

Солнце для принца

Милана Милая

18+

Милана Милая

Солнце для принца

«Автор»

2019

Милая М.

Солнце для принца / М. Милая — «Автор», 2019

Он не знал никаких проблем в своей жизни: богат, молод, титулован. Но однажды его домашний питомец (для справки - индокитайский тигр!) вылавливает из грязного канала полумертвую девушку. Он бы и рад избавиться от нее, но она потеряла память, не помнит вообще ничего, даже имени. Все проблемы, связанные с ней, безумно раздражают, пока он не понимает, что важнее ее благополучия нет ничего на свете.

© Милая М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	34
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Милана Милая

Солнце для принца

Глава 1

Венецианская республика

Остров Аттенарий, сентябрь, 1295 год

Красивый готический дворец из белого мрамора, окруженный по периметру колоннами, освещали оранжевые блики уходящего солнца. Мраморные прожилки камня сияли от солнечных бликов, поэтому казалось, что дворец светится. На открытой местности, окруженной дремучим лесом, он смотрелся немного сказочно. Все в этом месте говорило о достатке и благополучии. И красивые витражные стекла в окнах, и дикий птичий мир, неспешно разгуливающий по зеленым ухоженным лужайкам.

Они резко повернули головы и захлопали крыльями, когда с черного хода большого дома выбежала рыжеволосая девушка в зеленом платье, и, украдкой оглядываясь, побежала в лес. Ее легкие шаги почти не были слышны, их заглушали звуки леса, шум листвы, пение птиц. За ней, с небольшим отставанием, следовала другая девочка, немного помладше.

И хотя бежала первая девушка совсем бесшумно, в лесу ее очень легко было отследить по ярко-рыжим волосам, они развевались за ней, будто пламя костра, даже в темноте не потеряешь.

– Тициана! – громко окликнула преследовательница, и рыжеволосая быстро обернулась. Девочки были сестрами, хотя очень сильно отличались друг от друга. И цветом волос, и цветом глаз. Они не были похожи абсолютно.

– Франческа? Что ты здесь делаешь?

– А что ты здесь делаешь? – задала встречный вопрос младшая сестра. – Тебе ведь папа запретил ходить одной в лес! И как всегда, ты его послушалась! И шляпу не одела, ты же сгоришь сразу!

– Солнце почти зашло, не сгорю. В любом случае, в лесу тень. – Тициана посмотрела по сторонам, будто убеждаясь в этом. – И не тебе читать мне морали, маленькая сестричка! Тебе всего 12 лет! Иди в детскую и играй в куклы! – И старшая сестра строго ткнула пальцем в направлении дома.

– Тициана! – Франческа тут же сменила тон и молитвенно сложила руки. – Я ведь знаю, что ты что-то замыслишь, возьми меня с собой! Только у тебя получается сделать что-то хулиганское и тебе всегда это сходит с рук.

– Да, сейчас! – Тициана усмехнулась и уперла руки в бока. – А потом ты пойдешь и все всем расскажешь! У меня потому и получается, что я делаю это одна!

– Ну я никому не скажу, обещаю! Ты знаешь, как я устала от уроков! Синьора Газальер нас с Марией уже замучила. Английский, итальянский, латынь! Тициана, ты знаешь, что римские сенаторы мне уже снятся! Я еле сбежала! Отпросилась в туалет, так что, когда вернусь, меня в любом случае накажут...

– Франческа, ты ведь знаешь, как на меня действует твой умоляющий взгляд! – Тициана хитро улыбнулась и махнула рукой в сторону леса. – Пошли!

Франческа захлопала в ладоши и запрыгала.

– Ну вот, всех птиц распугала, глупая...

– Тициана, ты знаешь, что я люблю тебя больше всех сестер?

– Интересно, почему? – Тициана покачала головой от явной лести сестры. Она продолжала аккуратно пробираться в полумраке высоких сосен, будто что-то искала, а сестра торопливо шла за ней.

– Ты единственная из нас пятерых, способная на проделки. – Франческа начала перечислять, загибая пальцы. – Ты самая веселая и сообразительная. Ты всегда придумываешь самые интересные игры, ты единственная, кто постоянно попадает в переделки...

– Да ладно, тебе. Ты преувеличиваешь!

– И папа тебя всегда прощает! Меня бы он убил за то, что я утопила его любимого коня, а тебя он всего лишь пожурил!

– Я не топила его Быстрого. Я не виновата, что его ужалила ядовитая медуза во время купания.

– Да, когда ты находилась на его спине! Конечно, на нашем острове медузы жалят только, когда ты купаешься. Она специально выбирают время!

– Очень смешно! – Тициана строго посмотрела на сестру. – Я тебя сейчас домой отправлю.

– А я уже дорогу не найду! – самоуверенно заявила Франческа. – И ты опять будешь виновата. А папа тебя на этот раз не простит.

– Он всегда меня прощает! – задумчиво проговорила Тициана, явно потеряв нить разговора, оглядываясь по сторонам.

– Это, наверное, потому, что ты рыжая! Что ты ищешь?

Девочки стояли на небольшой поляне, окруженной разнообразными деревьями. Самые красивые из них были сосны-пинии. Опадавшие с них иголки покрывали землю ровным шуршащим зеленым ковром, почти не давая расти траве.

– Муравейник! Здесь где-то был большой муравейник!

– Тебе нужны муравьи? Зачем? – Франческа боязливо попятилась, глядя себе под ноги. На ней были легкие кожаные сандалии, с ремешками вокруг щиколоток. Девочка подняла платье повыше. – Они так больно кусаются!

– Для Синьоры Газальер! Хочу устроить вам небольшие каникулы. – И видя непонимающий взгляд сестры, Тициана принялась объяснять. – Я видела, как она ударила указкой по рукам Марии. Может она и хороший учитель, но человек явно плохой. И ей не нравится на нашем острове, ты же знаешь. Ее постоянные жалобы за обедом порядком всем надоели. Она не может жить в изоляции, ты же знаешь. И просто мечтает вернуться в Венецию. Вот мы ей и поможем! После того, как синьора Газальер обнаружит муравьев в своей кровати, она не останется на Аттенарии. Сбежит быстрее ветра.

– Ты думаешь? – В голубых глазах Франчески загорелась искра надежды. – Жалко, что не навсегда!

– Ну зачем навсегда! Учиться же тоже надо!

– Мы занимаемся уроками больше, чем все мои подруги вместе взятые. Паулина вообще только вышивать учится, играть на музыкальных инструментах и танцевать, отец не заставляет ее учить историю и языки. И читать не заставляет!

– Паулина такая же глупая, как и ее отец – барон Тирольский. О чем ты только с ней разговариваешь?

– Зато ты у нас самая умная. Если тебе дается учеба, это не значит, что мы такие же! А папа смотрит на тебя и думает, что мы такие же!

– Вот и неправда! Смотри! Вот и муравейник.

Спор сестер прервался, когда они обнаружили похожий на маленькую пирамиду дом насекомых. Большой бугор из палочек, сосновых иголок и травы под сосной, казалось, двигался. Темно-коричневая масса несметного количества муравьев делала его живым. Малень-

кие жители беспрерывно двигались, создавая впечатление миниатюрного вулкана, по которому текла жидкая коричневая лава.

– Ну и как ты их насобираешь? – Франческа боязливо оглянулась и отошла в сторону дома, который, как уверяла, найти не сможет. – Я тебе помогать не буду!

– Я взяла мешок! – Тициана потрясла перед ее носом льняным мешочком и взяла с земли небольшую палочку. – Смотри!

Она воткнула ее в муравейник и тот час же по ней поползли муравьи. Девушка не стала ждать, когда они доползут до конца палки, она вынула ее из муравейника и аккуратно стряхнула темно-рыжих муравьев в мешок. Зажала край мешка в руке, и снова воткнула палку. Она отбежала немного, так как маленькие и шустрые насекомые стали заползать по ногам Тицианы. Она потопала, сгоняя муравьев с себя, а Франческа отошла еще дальше.

– Ну вот! – через некоторое время сказала Тициана, отошла от муравейника и потрясла мешочком перед лицом сестры. – Мне уже жалко синьору Газальер!

– Мне тоже! – проскулила Франческа. – Надеюсь, ты его крепко завязала?

– Надеюсь, ты никому не скажешь? – строго спросила Тициана.

– Нет, сестра. Я тебя не выдам. Обещаю. Даже Марии! – И она жестами зашила себе рот.

– Пошли скорее. Нас уже, наверное, ищут!

И сестры побежали по лесу в сторону дома. Тициана очень хорошо знала этот лес. И поэтому дорога назад заняла совсем мало времени, но на опушке леса они остановились, увидев пасущихся на лужайке лошадей с пристани.

– Смотри, Франческа! Может это папа вернулся?

Младшая сестра, взвизгнув и про все забыв, побежала в сторону парадного входа, а Тициана так же быстро, но в сторону черного. Она уже не пыталась быть осторожной и красивые павлины с неприятными и режущими слух звуками разбежались во все стороны. Тициана не обращала на их крики никакого внимания. Она, перепрыгивая через две ступеньки, поднялась на второй этаж, в свои покои. Двери на террасу, огибающую весь их дом по периметру, были открыты. Яркие занавески из тончайшего шелка трепыхались на ветру.

У Тицианы была очень красивая комната. Девушка захотела сделать ее в восточном стиле. Она увидела такие покои, когда еще была жива ее мать. Девочке было 10 лет, когда ее взяли в гости к одному персидскому шейху, имевшему бизнес в Венеции. Ее тогда очень поразило его дом, обилие ковров, красного цвета и различных орнаментов. Ее поразила их красивая одежда. Не успела она вернуться домой, как захотела точно такую же комнату. Отец с матерью были против, не хотели уступать глупой причуде Тицианы. Но мама вскоре родила долгожданного сына – Федерико и умерла при родах. Герцогу пришлось пойти на уступки дочери, чтобы хоть чем-то смягчить боль утраты.

Так и появились ее восточные покои. Стены были расписаны различными узорами, кровать спрятана в альков, на полу лежали ковры. Низкие диванчики и столик стояли посередине, приглашая уютно разместиться и попить чай. За шелковой ширмой пряталась ванна. Везде были разбросаны расшитые бисером подушки.

Ее окна выходили на север, терраса закрывала комнату от прямых солнечных лучей. У Тицианы была очень чувствительная кожа. Она могла покрыться волдырями, просто выйдя на солнце. Поэтому днем девушка старалась из дома не выходить. Она гуляла только утром и вечером, надевая закрытые платья и головные уборы. Все в семье следили за этим очень тщательно. Их приучила к этому покойная герцогиня. У ее отца была такая кожа. Так что Тициана могла сказать большое спасибо своему шотландскому дедушке.

Так же в семье было принято не заострять на этом внимание, ее никто не жалел, не сочувствовал. Не говорил: «Ах, бедняжка! Как ей тяжело приходится!»

Тициана привыкла к себе такой. Еще больше привыкла ее семья. Каждый раз, выходя на улицу, все сестры брали с собой различные палантины и шали, одевали шляпки, чтобы при

первой же возможности всучить все это Тициане. У девушки был еще один большой недостаток, она все время попадала в переделки. Все шали рвались, зацеплялись или просто терялись самым немыслимым образом, шляпки сдувало ветром. Обязательно в канал, чтобы сразу утонуть. Тициана сама не понимала, как это у нее получается. А семья просто смирилась.

Сейчас, когда Азалия жила отдельно, Тициана была самой старшей. Живя в Венеции, отец часто сопровождал Тициану. В церковь, на рынок и по магазинам за покупками или просто в гости. Когда он ждал ее в холле их венецианского дома, в его руках всегда была шаль для нее. Эта забота грела сердце Тицианы всегда. Она жила и купалась в любви своего отца больше, чем кто-либо другой. Он не дал ей почувствовать отсутствие матери, просто окружил любовью вдвойне.

Девушка очнулась от своих мыслей и посмотрела на завязанный мешочек в руках. Куда бы его пока спрятать? За узелок она повесила его на край ширмы и выбежала из комнаты. Пробежала по коридору и остановилась вверху парадной лестницы, разглядывая происходившее в холле.

Франческа и Мария повисли на ее отце и громко смеялись. Федерико, как всегда, скромно стоял в сторонке вместе со своим гувернером. Рядом с папой стояла Азалия, старшая дочь в семье. Она сняла траур. Тициана целый год видела сестру одетой только в черное, этот цвет ее ужасно портил. Сейчас платье Азалии было насыщенного синего цвета, красиво подчеркивая голубые глаза. И фасон ей тоже очень шел. Тициана уже забыла, какая красивая может быть ее старшая сестра.

Девушка быстро сбежала вниз и подошла к отцу, на котором все еще висли ее младшие сестры, робко ему улыбаясь.

– Здравствуй, папа! – и, переведя взгляд на старшую сестру, добавила. – Добро пожаловать домой, Азалия.

А потом Тициана перестала себя сдерживать, она кинулась обнимать отца и сестру, громко смеясь и подпрыгивая от счастья. Все говорили одновременно, пытаясь перекрыть друг друга. Как скучали, что делали все это время. Девочки не видели отца почти месяц, очень соскучились. С нетерпением ждали отъезда в Венецию, чтобы быть вместе с отцом. А Тициану ждал выход в свет. Балы, рауты, театральные премьеры и, конечно, маскарад.

Она с нетерпением ждала балов-маскарадов. У нее была куча идей по поводу того, как она оденется. Она хотела быть и восточной принцессой, и Клеопатрой, и богиней радуги – Иридой. Хотела примерить на себя много-много образов.

И если в свое время Азалия выходила в свет в надежде найти мужа, то Тициана совсем не хотела выходить замуж. Она мечтала просто быть счастливой, веселиться и наслаждаться жизнью. Траур Азалии не позволил Тициане в прошлом году быть на всех проходивших маскарадах. Но она знала все в подробностях от своих подруг, побывавших там. Некоторые уже вышли замуж, некоторые были помолвлены.

Амадея, дочь графа Морозини, была одной из ее лучших подруг. Она, как могла, утешала Тициану, уверяя, что если бы та дебютировала, то ни одна из других девушек не смогла бы найти жениха. Они все достались бы Тициане по одному щелчку пальца.

– Зря ты мне не веришь! – говорила Амадея. – Я просто счастлива, что тебя не было на балу у Плиеров. Иначе Патрицио не обратил бы на меня никакого внимания, он был бы занят, обхаживая тебя.

– Очень жаль, что меня не было! – ответила ей тогда подруга. – Тогда ты бы быстро поняла, что он из себя представляет. Нужна ему твоя душа или твоя внешность!

– Тициана... – подруга покачала головой. – Ты совсем не знаешь мужчин. В первую очередь они смотрят на внешность. И если она им понравилась, остальное их не интересует!

– Это неправда! Мой папа любил маму в первую очередь за ее внутренний мир, ее характер, ее доброту...

– Очень легко любить за доброту, Тициана, когда твоя мама была первой красавицей в Венеции!

Они тогда еще очень долго спорили, вспомнила с улыбкой девушка. Но так и не пришли к согласию. Каждая осталась при своем мнении.

В их городской дом приходило много мужчин. Отец участвовал как политической жизни Венеции, так и в торговой. Даже дож был в их доме частым гостем. Не менее частыми гостями были торговые партнеры отца. Тициане иногда казалось, будто он ненавязчиво знакомит дочь с потенциальными женихами. Часто он спрашивал ее мнения о том или ином человеке. Не было дня, чтобы за ужином в их доме не присутствовали гости. Но это было только когда они жили в Венеции. На Аттенарий отец не привозил никого. Это была их семейная крепость.

Некоторые гости искренне нравились Тициане, нескольких партнеров отца она недолюбливала, а одного так просто ненавидела. Девушка с содроганием вспомнила, как барон Флавио де Понте в шуточной форме сделал ей предложение руки и сердца прямо за семейным ужином. Она видела его второй раз в жизни, а он предложил ей выйти за него замуж. Отец тогда засмеялся, но явно был сильно расстроен. Правда, пытался всячески скрыть это, замаскировать.

Не было ничего отталкивающего в его внешности. Тициана даже могла бы назвать его красивым. Типичный венецианец. Смуглая кожа, карие глаза, черные волосы. Высокий и стройный, с аккуратными усиками и бородкой, ему было около 30. Девушка не могла объяснить себе причины того, что он ей не нравится. Просто внутреннее ощущение неприятия. А вот почему он не понравился ее отцу, она спросила прямо.

Герцог тогда ответил ей, что деловые партнеры не всегда бывают хорошими людьми, но иногда с ними приходится иметь дело для общей выгоды. Де Понте был вдовцом. Жена умерла при загадочных обстоятельствах. Никто тогда не смог доказать причастность барона к ее смерти. А если нет доказательств, значит, человек невиновен.

Де Понте владел несколькими кораблями, перевозившими оружие с востока на запад. Постоянные военные действия между Генуей и Венецианской республикой очень обогащали таких жадных и беспринципных людей, как барон. А оружейные мастерские Византии, Персии и Ирана были лучшими в мире.

Тициана была не очень в курсе их партнерства, но после этого случая отец перестал приглашать этого человека в их дом. Или делал это, когда дочери были на острове.

И вот сейчас, за ужином, герцог сказал, что они уезжают в Венецию. Лето закончилось, скоро начнется сезон карнавалов. Тициане надо заказать себе новый гардероб, а для этого требуется время. Еще отец объяснил дочерям, что сейчас у него очень много дел, которые требуют его постоянного присутствия в столице.

Младшие сестры очень обрадовались, что отец берет их собой, а Тициана расстроилась. Она так любила жить на острове, девушка просто ненавидела большое скопление людей. Она чувствовала себя неуютно. Дом, как проходной двор. То торговцы придут, то капитаны судов, то моряки наниматься на работу. А в партнерах отца по разным делам девушка уже запуталась.

Но главное было не это. Главным было полное отсутствие растительности. На острове, просыпаясь утром, Тициана первым делом выбегала из дома, чтобы босыми ногами походить по росе. Ощущать ступнями мягкую траву, не было ничего приятнее этого. Домашние к этому давно привыкли. Девушка не пойдет завтракать, если не походит по лужайкам. Даже подшучивать над этим все давно перестали.

Она нуждалась в живой природе сильнее, чем все ее родные вместе взятые. Ее сестры в любой момент могли выйти из их дома в Венеции. Просто погулять, поплавать на гондоле или в гости к своим подругам. Солнце не мешало их планам, в отличие от Тицианы.

Девушка с грустью посмотрела на отца. Он понял ее без слов и ободряюще улыбнулся. Папа будет рядом, а это главное. Семья вместе. И даже Азалия теперь рядом, как будто и не выходила замуж.

Была уже ночь, когда Тициана тихонько выскользнула из дома. Она была босиком, поэтому ступала очень аккуратно, стараясь не поранить ноги. Девушка отошла подальше от дворца и открыла мешок, который несла в руках.

– Ступайте домой, муравьишки! – шепотом произнесла она, вытряхивая мешок. – Теперь вы мне не нужны. Вам очень повезло, что вы не встретитесь с сеньорой Газальер. Поверьте, очень неприятная дама! Я так хотела, чтобы она уехала, а уезжать теперь придется всем нам. Уже завтра. Так что прощайте и живите долго. И простите меня...

– С кем это ты разговариваешь?

– Папа? – Тициана даже подпрыгнула от неожиданности. Герцог стоял совсем рядом. В темноте девушка видела только очертания его большого и сильного тела. Как он умудрился подойти так незаметно?

– Солнышко, я всегда знал, что ты немного сумасшедшая, но разговаривать с муравьями... – он покачал головой, как будто все еще не верил.

– Только никому не говори. – девушка заговорчески прижала палец к губам.

– Особенно синьоре Газальер? – в глазах отца, подошедшего совсем близко и присевшего рядом с ней на корточки, сияли веселые искорки.

– Ага! Особенно ей!

Глава 2

Венеция, ноябрь 1295 год

Рам сидел за столом в своем кабинете и в сотый раз перечитывал письмо, которое было доставлено сегодня, но пришло почти с другого конца земли. Оно было от отца, короля Рамакхамхенга Великого. В письме говорилось о завершении всех своих дел в Венеции и возвращении на родину. Отец отдал приказ в мягкой форме, но ослушаться было нельзя! Не потому, что он боялся наказания за непослушание, а потому что был воспитан на уважении к старшим.

Ослушаться отца, значит совершить преступление. А если отец – король, тогда за непослушание – смертная казнь! Все просто и ясно.

Но Рам не хотел домой. Когда-то давно он также не хотел покидать королевство Сукхотай, но никто не спросил, чего он хочет. Его отправили в Европу, не спросив согласия.

Слишком далеко была его родина, и королю хотелось знать, что происходит за пределами королевства. Правдивы ли слова путешественников и паломников, которые часто проходили мимо их провинций о несметных сокровищах западных стран. О великих пирамидах, об огромных соборах, о разных религиях. Наконец, владыку интересовали знания!

Он был мудрым правителем, и ему хотелось знать больше, чем знали придворные мудрецы. Конечно, сам король отправиться в такое путешествие не мог. И он отправил своего сына. Младшего, но самого любимого. Который не являлся прямым наследником престола, хотя Рам был королевской крови и по линии отца, и по линии матери.

У Рамакхамхенга было восемь жен и больше ста наложниц. По крайней мере, столько помнил Рам, пока сам жил во дворце. Со времени отъезда прошло 10 лет, и сколько жен у отца было сейчас, он не знал.

Позади была учеба в Болонье, свое процветающее дело в Венеции и ответ на главный вопрос, который перед отъездом ему задал отец. И этот ответ не понравится его королю!

Всю свою историю королевский дом Сукхотай боролся за чистоту своей крови. Это значит, что все браки заключались между братьями и сестрами, родными, двоюродными или троюродными. В последнее время все дети у короля Рамакхамхенга рождались мертвыми или очень слабыми и не доживали до года. Дети же, рожденные от наложниц или жен, которые не являлись прямыми родственницами короля были здоровы. Но Рамакхамхенг все равно не верил, что дело только в родственных связях. И продолжал брать себе в жены своих сестер и подросших дочерей. Он бы никогда не позволил вступления в семью постороннего человека, это было для него невозможно и неприемлемо!

Все паломники и путешественники, которые выражали свои мысли о недопустимости кровосмешения королю, были немедленно казнены. А придворные колдуны тщетно искали следы заговора или сглаза в стенах дворца.

Чистоту крови король нарушил лишь раз, когда взял в жены мать Рама.

Он был рожден от плененной кхмерской княгини, за которую король отказался взять выкуп, так как влюбился в нее с первого взгляда. Он женился на ней вопреки всем протестам своего двора. Плененная девушка была чужестранкой и другой веры, но короля это не смутило. Он не захотел взять ее в наложницы, Рамакхамхенг видел ее только своей женой. К сожалению, при родах она умерла, успев произвести на свет крепкого мальчугана и дав ему имя Рампхуэнг.

Рамакхамхенг всегда испытывал к нему сильную привязанность. Видимо потому, что очень любил его мать. Мальчик рос очень здоровым и подвижным, всегда стремился к новым знаниям, легко усваивал иностранные языки. И после долгих раздумий король принял непростое решение отправить сына в Европу. Именно любимого сына отправить, так как боялся за его жизнь! Ведь старшие сыновья очень беспокоились за свое будущее. В королевстве законы

писались под желания правителя, и король легко мог изменить любые правила и сделать своим законным наследником именно Рампхуэнга. И это поставило его жизнь под угрозу.

После покушения на жизнь, когда Рама пытались отравить, его отправили из страны. Больше 6 месяцев пятнадцатилетний мальчик добирался до Европы. Его телохранителями и советниками были приближенные и доверенные люди короля.

Сначала они принимали решения за Рама, отправив его учиться в Болонью, но, окончив университет, молодой человек стал полностью самостоятелен.

Университет стал для него вторым испытанием в жизни. Первым было длительное путешествие в Европу и разлука с близкими. В 16 лет он был очень маленьким, худеньким и непоседливым мальчиком с восточной внешностью. Не было ни одного ученика в университете, который бы не постарался его обидеть! Рам был на 2 года старше остальных мальчиков, и это тоже было причиной насмешек, а также его манера одеваться и непонимание языка.

Невероятно агрессивные мальчишки не понимали его вероисповедания, считая буддизм чем-то вроде глупого увлечения. В университете у него появился только один друг – Алессандро Гавани, он был сыном маркиза и жил в Венеции. Алессандро очень помог маленькому Рампхуэнгу, вместе они сократили его непроизносимое имя до Рама.

И за время учебы неловкий, скромный, замкнутый и неразговорчивый мальчик начал вылезать из своей скорлупы, превращаясь в сильного, невероятно умного, проницательного и красивого молодого человека.

Алессандро помог Раму не только привыкнуть к жизни в Европе, он привил ему свое необычайное чувство юмора и легкость, которая была необходима в светском обществе при общении.

Этой легкостью Гавани обладал в высшей мере. Более обаятельного вруна и распутника университет не видел за все время своего создания. Молодые люди были настолько разными, что эта непохожесть сделала их неразлучными друзьями. Они просто дополняли друг друга. Они не могли даже нормально поссориться, им это просто не удавалось, ребята просто начинали дико хохотать. Их беззлобность позволяла им быстро находить компромиссы в своей дружбе.

И эта же дружба после окончания университета привела Рама в Венецию. Он еще не чувствовал свое место в окружающем мире, несмотря на свой титул принца, и не рискнул остаться без друга, о чем в последствии не пожалел ни разу.

У отца Алессандро была своя верфь, где строились галеры и корабли. После скоропостижной смерти маркиза, юному выпускнику пришлось взять дело отца в свои руки. Многие венецианские дворяне разорвали свои деловые отношения с новым маркизом Гавани, считая его слишком молодым.

И лишь заказы на галеры и корабли из маленького королевства Сукхотай помогли Алессандро преодолеть первый кризис в деле отца. Затем, каким-то чудом Гавани смог заполучить контракты на постройку кораблей для рыцарей тамплиеров. Скоро дела на его верфи пошли куда лучше, чем даже при жизни старого маркиза.

Новоиспеченный маркиз Гавани этого не забывал никогда. После того, как Рам помог другу, он окончательно встал на ноги, и дело вновь стало процветать. Все это время молодой принц пытался стать самостоятельным и не зависеть от королевского дома Сукхотай. У него было множество идей, чем заняться в жизни.

У Рама было очень тонкое чувство стиля, он прекрасно разбирался в музыке и живописи. И изумительно хорошо рисовал.

И однажды Алессандро попросил его нарисовать несколько эскизов и рисунков, по которым тот заказал невероятной красоты вазы муранским мастерам. После этого сразу несколько стеклодувных мастерских захотели заключить с ним договора.

Стекла, вазы, керамическая и глиняная посуда в восточном стиле стали так популярны в Европе, что у Рам с удивлением понял, он больше не зависит от королевства Сукхотай. Финансово он обеспечивает себя сам! Причем, очень хорошо обеспечивает.

Художников в Венеции было великое множество, но они могли лишь копировать восточные мотивы. Рам же всегда создавал что-то новое. Ведь он родился и вырос на Востоке. Он не удивился, когда к нему стали обращаться владельцы ткацких заводов с просьбой разукрашивать своими рисунками их ткани, шелк, парчу, бархат, лен и хлопок. За индивидуальные рисунки они были готовы платить очень большие деньги.

Вскоре появились соглашения и с ювелирами. После того как, сделанные по эскизам Рама, серьги и кольцо, приобрела королева Франции Жанна, Рам стал известен во всей Европе. А ему было всего лишь 25 лет.

Сейчас молодой принц владел лучшими ювелирными мастерскими в Венецианской республике. А судя по тому, сколько заказов поступало ему из Англии, Франции и других европейских стран, Рам понял, что оставил конкурентов далеко позади.

За последние годы он стал богаче своего лучшего друга. Построил себе дворец подальше от центра Венеции. Рам не любил шум и суету. Он обустроил свой дом в восточном стиле, слугами у него были только люди, приехавшие с ним из королевства. Многие из них говорили только по тайски, ни слова не понимая по итальянски и по венециански.

Он сделал свой дом неприступной крепостью для посторонних, принимая людей только по предварительной договоренности на несколько дней вперед. Доступ без ограничения имели лишь избранные. Никто и никогда не пытался проникнуть в его дом без разрешения. Не потому, что он был сильно охраняем, а потому что на ночь в этом дворце выходил на свободу индокитайский тигр. И он гулял по извилистым закоулкам острова всю ночь.

Многие в Венеции знали об этом. Рам считал своим долгом предупреждать гостей о необычном питомце. Воры и грабители ни разу не пытались проникнуть в его дом!

У него все еще оставался на службе советник короля Пха Нам Сингбури. Только теперь он не принимал решения за Рама, а всячески его поддерживал, был его личным секретарем и помощником. Ближе этого человека у Рама никого не было. Ему и Алессандро Гавани Рам доверил бы свою жизнь.

Молодого человека изменила жизнь в Европе, здесь люди были более свободны от предрассудков, чем на Востоке. Рам теперь не понимал, как раньше он мог позволять, чтобы его слуги ползали перед ним на коленях. Так было заведено в Сукхотайе, нельзя быть выше особы королевской крови. А здесь он с трудом заставил их встать прямо, пригрозив увольнением. Также к особе королевской крови нельзя было физически прикасаться. С этим Рам решил смириться, так как ему самому не очень нравились прикосновения к себе. И этому было множество причин.

Во-первых, он не знал ласки. На родине к нему никто не прикасался. У него не было матери, а отец очень редко выражал ему свое расположение и любовь. В Сукхотайе не было принято общение между братьями и сестрами, мальчик не общался с родственниками. Его окружение составляли няньки, учителя и слуги. В их обязанности входило все, кроме выражения привязанности и ласки. Они даже в глаза ему смотреть права не имели. По королевским законам, другие люди трогать его не могли!

Когда он приехал в Европу 15 летним юношей, в его сердце уже не было места сентиментальности. Поступив в университет, Рам столкнулся с жестокостью богатых, знатных и избалованных студентов. Он был слишком другим. Другая религия, необычная одежда и, самое главное, языковой барьер, который Рам преодолел не сразу. Для нахождения общего языка с другими студентами Раму приходилось применять силу.

Его не слишком выдающиеся пропорции часто вводили в заблуждение зарвавшихся драчунов. Детям герцогов, графов, баронов и просто очень богатых купцов не верилось, что сдачи

им может дать худенький, невысокий и замкнутый юноша. Причем двигался Рам так стремительно, что вскоре от него отстали даже самые драчливые ученики.

Рама обучал технике боя монах по имени Тома. Он тоже сопровождал мальчика в его путешествии и постоянно тренировал. А это тоже постоянная боль, но только здесь Рам не имел ничего против. Он учился любить боль. Только это было постоянным в его жизни...

А все остальное стремительно менялось. Раму пришлось признать, что менялось в лучшую сторону. Сейчас ему не на что жаловаться. Все настолько прекрасно в его жизни, упорядоченно. Принц Рампхуэнг был доволен всем. А Венецию он полюбил почти как свою родину.

Единственное, что не нравилось в европейцах Раму – это их нечистоплотность. Мыться было неприятно. Аристократы считали ванну чем-то неприличным, гнилые зубы были признаком того, что человек ест много сладкого. А сладкое мог позволить себе только богатый. Поэтому чем меньше здоровых зубов, тем лучше, считали дворяне.

Показать здоровые зубы в обществе было неприлично. Чистоплотного и брезгливого Рама это просто убивало наповал. Он с трудом убедил своего друга, что чистым быть намного лучше. И полезнее для здоровья! И теперь маркиз Гавани перенял эту чистую привычку от друга и не изменял ей!

И вот теперь он должен покинуть страну, которая стала его второй родиной.... Нет, не второй! Это была теперь его единственная родина! Что ему делать в Сукхотайе? Он реализовал себя здесь! Отец может гордиться им! Он не хочет уезжать.... Для чего? Чтобы подвергать свою жизнь опасности. Рам не был наивен, он прекрасно понимал, что снова на его жизнь будут покушаться законные наследники трона. Ведь если он вернется на родину, то будет любимчиком отца. И письма от него это подтверждали, отец им гордился.

Рам отвлекся от своих тревожных мыслей и посмотрел на стоящего перед ним в поклоне Пха Нама. Уже полностью седой и маленький человечек по-прежнему отличался хитрым умом и острым зрением.

– Ты знаешь, что сказано в письме, Пха Нам? – были первые слова Рама после долгого молчания.

– Конечно, нет, мой принц... – в голосе советника слышалось легкое беспокойство. – Я лишь знаю то, что мне написал наш великий король. Я тоже получил письмо.

– И что же он написал тебе? – Рам нетерпеливо поторопил Пха Нама.

– Он слаб, о мой принц! Он выражает свое беспокойство, что больше вас не увидит.... – и после небольшого молчания неохотно добавил. – Он написал, что нашел для вас подходящую жену. Это принцесса Намток! Она официальная дочь нашего короля и ваша родная сестра. Сейчас она вошла в брачный возраст, ей 14 лет. Когда вы вернетесь, она как раз будет...

Рам непроизвольно схватил себя за коротко стриженные волосы! Это была привычка его друга Алессандро, когда он находился в отчаянии, и сейчас молодой человек понял, что невольно подражает ему. Он тоже был в отчаянии. Рам постарался взять себя в руки.

– Я же писал ему! – воскликнул он. – Я писал, что не женюсь на сестре! Он знает, что это вырождение нашей семьи! Я же все сообщил! Почему, Пха Нам?

– Наверное, он не поверил. – тихо ответил советник, не поднимая головы.

Добавить тут было нечего. Традиции уходили своими корнями на много веков назад, изменить что-то казалось невозможным....

Рам не хотел, чтобы его дети рождались слабыми или мертвыми. Он хотел нормальную восточную семью.... А вот жить он хотел в Венеции....

– Ты свободен, Пха Нам.... – слова были почти неслышны, но советник поклонился и попятился к двери. Когда он подошел к ней, то тихо добавил.

– Вы знаете, что мне иногда снятся вещие сны, мой принц! После приезда сюда вы всегда снились мне в темноте. Несмотря на ваши достижения и признание, в Венеции вас окружает чернота, с которой вы не в силах бороться. Как-будто она изнутри поедает вас, делая все

черствее и агрессивнее. А сегодня я впервые увидел рассвет, увидел солнце, которое встает над вами! И вот приходит письмо! Я думаю, что это знак. Чтобы солнце продолжило освещать ваш путь, вы должны вернуться!

Пха Нам договорил и тихо вышел за дверь. Рам закрыл глаза и постарался успокоиться, делая глубокие вдохи и выдохи, как во время боевых тренировок, но не получилось. Он встал из-за стола и подошел к окну. Рам, как и Пха Нам, обладал сильно развитой интуицией. Только вот ему она подсказывала совсем другое. Он должен остаться в Венеции! Внутреннее чутье кричало ему об этом.

Он построил свой дворец на краю города, и выбрал это место, так как отсюда открывался потрясающий вид на море. И солнце сейчас как раз заходило, заставляя переливаться водную гладь потрясающими оттенками розового и пурпурного. Такие цвета Рам видел только здесь. Его всегда успокаивала эта картина, заставляя не так остро чувствовать свое одиночество.

Рам продолжал напряженно думать.... Ему надо вернуться на родину? Хорошо! И что он будет там делать? У отца 10 лет назад уже было больше двадцати детей, сколько сейчас, он не знал. Да и земли в Сукхотайе не хватит, чтобы наделить ею всех своих отпрысков! Он понимал, что король предоставит ему провинцию в управление. Крестьяне на его земле будут возделывать рис и строить храмы, а он будет сидеть в своем доме и ничего не делать!!! Ах, да, жениться он будет! С периодичностью раз в год! Точно! Его вера позволяет ему иметь много жен, и чтобы всех их обслужить понадобится время. Вот он и нашел, чем займется!

Рама даже затошнило от этих мыслей. Ему и одну то жену найти чертовски сложно... Его тревожные мысли прервал осторожный стук в дверь.

– Войдите, – крикнул он, оборачиваясь. Это был Чианг Май, его дворецкий в этом доме, один из немногих слуг, говорящих по венециански. Это было необходимо, так как он встречал гостей, Чианг Маю пришлось выучить необычные для него обязанности.

– Мой принц. К вам пришел маркиз Гавани.... – слуга почтительно склонился и сложил руки у груди.

– Проводи его сюда, Чианг Май.

Рам улыбнулся и расслабился. У Алессандро был такой легкий характер, это как раз то, что ему сейчас необходимо. Друг ему всегда помогал.

Гавани ворвался в комнату как вихрь, заполнив пространство своими шестью футами роста. Черные шоссы идеально сидели на его длинных мускулистых ногах, сюрко из бардового бархата подчеркивало широкие плечи, заставляя оборачиваться вслед многих женщин.

Алессандро был очень красив. Так, что это даже пугало. Перед ним не могла устоять ни одна женщина, будь она замужем или нет. У него были пронзительные зеленые глаза и прямой аристократический нос, пухлые губы складывались в обворожительную улыбку, и появлялись ямочки на щеках, которые придавали ему вид грешного ангела.

В свои 22 года в его постели побывала уже половина женщин Венеции, но молодой человек останавливаться не собирался! Это было поводом для постоянных шуток Рама, так как он относился к этой стороне своей жизни более чем осторожно.

– Привет, друг мой! – заявил Алессандро, разваливаясь в удобном кресле и вытягивая длинные босые ноги. – Господи, это единственное место в городе, где я должен снимать свою обувь. Ты когда уже откажешься от этой своей вредной привычки, скажи мне, а?

– Добрый вечер, Гавани! – ответил улыбаясь Рам, садясь напротив. – Думаю, никогда. И я говорил тебе это уже тысячу раз.

Они уже давно легко чувствовали себя в обществе друг друга и не соблюдали никаких принятых в обществе норм поведения.

– Ты куда-то собрался? – спросил Рам, разглядывая нарядно одетого друга.

– Вообще-то собрался! И вместе с тобой! Ты что, не помнишь? Сегодня бал-маскарад у графа Морозини! – Алессандро удивленно посмотрел на него.

– Точно! Ты что-то такое говорил неделю назад, а я забыл!

– Вот так всегда! Между прочим, сегодня у них театральная постановка по Плавту «Хвастливый воин». И актеры приехали из Рима! Будет много народу и много новых лиц!

– Нельзя как-нибудь без меня? – Рам с робкой надеждой посмотрел на друга.

– Нельзя! Карнавал уже месяц как начался, а ты еще ни на одном представлении не был! Тебе даже карнавальная одежда не нужна! Пойдешь в своем халате! – Алессандро был непреклонен. – Сегодня я намерен обязательно тебя с кем-нибудь познакомить!

– Только этого мне не хватало для полного счастья! – Рам поднял глаза к потолку.

– Ну да! Ты не устал от одиночества, друг мой? – Гавани вдруг стал серьезным. – Я столько раз пытался найти тебе подружку для развлечений, а ты все время упираешься!

– Я не упираюсь. Мне просто никто не нравится!

– Ага! Я помню, что ты сказал про красивую вдову графа Веньер! Что от нее пахнет нечистотами!

– Но от нее действительно плохо пахло. – Рам улыбнулся, а Алессандро возмутился.

– Ты знаешь, какая она оказалась в постели? Она выжала меня как лимон! Я потом целую неделю в себя приходил. Чертовски темпераментная!

– С чем тебя и поздравляю! Не боишься, в конце концов, подцепить какую-нибудь болезнь? – Рам уже устал от постоянного стремления друга с кем-нибудь его свести. Он и сам думал, что это ненормально, но поделать ничего не мог. Он представлял как дотрагивается до них и его передергивало от отвращения. Или они до него дотрагиваются. Женщины здесь не боялись сделать первый шаг. Особенно во время карнавала, скрыв свои лица под масками. Они открыто начинали приставать к нему, прижимались и поглаживали. Впечатление это производило на Рама совсем обратное. Его это отталкивало.

Он даже под пытками никогда не признается другу, что у него вообще еще женщины не было. В Сукхотайе Рам уже засматривался на одну невольницу во дворце, когда его послали на другой конец земли. Тогда ничего не успело получиться.

А после окончания университета он пытался построить свою жизнь и был слишком занят делами, чтобы обращать внимание на женщин. А когда он был сам готов к охоте, то с удивлением понял, что охотиться стали на него. Ему едва хватало изворотливости отказать, чтобы настойчивые дамы не обиделись. Богатство, молодость и титул иностранного принца делали его желанным трофеем для многих семейств Венеции.

И конечно, главная причина была в нечистоплотности венецианок.

– Ладно, я понял. – Алессандро махнул рукой. – Не буду тебя ни с кем знакомить, обещаю! Но у тебя час на сборы. Не хочу пропустить постановку Плавта. Мне он всегда нравился. И прошу, не надевай свой саронг, ходи в нем дома! Оденься как нормальный венецианский патриций! А то привлекаешь к себе слишком много внимания.

– Не саронг, а панунг! – Рам с удивлением рассмеялся. – Давно ли тебе перестало нравиться внимание?

– Сегодня не хочу привлекать внимание. Еду только из-за постановки! У Морозини сегодня бал для дебютанток, ловить там нечего. Жена же мне не нужна!

– Действительно нечего!

И со смехом Рам пошел переодеваться.

Глава 3

Венеция, ноябрь 1295 год

Тициана стояла у окна и смотрела на потоки воды, льющиеся по стеклу. Дождь барабанил с такой силой, что разглядеть что-либо на улице было просто невозможно. Поэтому девушка представляла, что за окном не сплошные дома и узкие каналы с плывущими по ним лодочками, а зеленый лес. Огромные мрачные деревья, всегда бывшие ей друзьями, густые кроны которых так закрывают голубое небо, что не видно никакого просвета.

И она сейчас в любой момент выбежит из дома босиком, и мягкая, влажная от дождя трава, покрывающая землю своим зеленым ковром, приветливо встретит ее уставшие ножки. Она встанет под дождь и протянет руки к небу, на лицо упадут первые капли дождя и эти маленькие капельки скроют ее собственные слезы.

Девушка придвинулась ближе к окну и подула на стекло. Оно тут же запотело, и Тициана попробовала нарисовать пальцем маленькую ромашку. Ее цветок был прозрачен, а девушка видела перед собой тонкий зеленый стебелек и белые лепестки.

Она услышала звук открываемой двери и быстро стерла свой цветочек одним взмахом руки по стеклу. Потом смахнула со щеки одиноко сбежавшую слезинку и обернулась.

В библиотеку зашел ее отец, герцог Аньежио и мягко улыбнулся, увидев девушку в темноте.

– Что ты тут делаешь, совсем одна, солнышко? Почему не зажжешь свечи? – спросил он задумчиво. – Тебя Азалия потеряла...

Герцог Аньежио в свои 40 лет прекрасно выглядел. Никто не дал бы ему больше тридцати. В его черных волосах седина только начала появляться, придавая ему очень мужественный вид. Высокий и стройный герцог был самым завидным женихом в Венеции, на что Пауло Аньежио никак не реагировал. Он потерял свою жену 10 лет назад и с тех пор никто не мог занять ее место в его сердце. Он так сильно любил мать Тицианы, что не хотел видеть рядом с собой никакой другой женщины. Тициана еще помнила их нежные и трепетные отношения. Невозможность существовать врозь друг от друга. Таких отношений девушка больше не видела нигде и ни у кого. И втайне мечтала о такой-же сильной любви для себя.

Теперь на первом месте для герцога были их дети. Азалия, Тициана, Мария, Франческа и Федерико.

Тициана не уставала благодарить бога за то, что у нее такой прекрасный папа. Всегда выслушает и поможет. И она понимала, что родилась в семье, где ее не выдадут замуж насильно или без ее согласия. И это было большой редкостью. Больше она такой семьи не знала. Ее подруг родители часто не спрашивали, когда их выдавали замуж.

С трудом девушка постаралась вернуться в библиотеку, где отец с нетерпением ждал ее ответа.

– Я просто задумалась....

– А если честно? – герцог прошел через комнату и сел на софу, приготовившись слушать, вопросительно поднимая брови. И как он всегда догадывался, что она не договаривает???

– Папа, как здесь живут люди, скажи? – Тициана снова обернулась к окну, но из-за дождя ничего не увидела. – В Венеции кругом вода и каменные коробки, которые называют домами....

– Солнышко! Ты сейчас про самый красивый город в мире говоришь? – в голосе герцога слышалась ирония.

– Я знаю папа! – Тициана вздохнула, отошла от окна и села рядом с отцом. – Ты слишком редко привозил нас сюда. И я привыкла к нашему дому на острове. Привыкла вставать под пение птиц. Боже! Я скучаю по стрёкоту кузнечиков. Я так люблю ходить босиком по травке. И еще утренние прогулки по лесу на лошадях! Поверь, нет ничего лучше! Папа, в городе нет

ни одной лошади! Я не представляю, что выйду замуж и буду жить здесь всю жизнь! Я что, больше никогда не сяду на лошадь?

– Тебя никто не торопит с замужеством. – Герцог постарался успокоить страхи дочери, но не сдержался и весело добавил. – Хотя тебя сейчас уже смело можно записывать в старые девы! Подумать только, 17 лет и еще не замужем...

– Ах, папа! – Тициана вскочила и заходила по комнате. – Вечно ты все портишь!

– Дорогая, я просто пошутил, извини... – герцог попытался сдержать улыбку.

– Я не против замужества. – Тициана остановилась и посмотрела на отца. – Поверь, я безмерно ценю ту свободу, которую ты мне даешь. Свободу своего выбора.... Я просто не представляю свою жизнь в каменной коробке на всю жизнь. И вокруг вода. Даже рядом с любимым человеком...

– Поверь, Тициана. – герцог встал и подошел к дочери. – Рядом с любимым человеком тебе будет все равно, где вы будете жить!

– Правда? – Тициана недоверчиво посмотрела на отца.

А он взял ее руки в свои и ободряюще сжал.

– Правда! – в его словах была твердость и полное убеждение в правильности того, что он сказал. И она поверила.

– Но я все равно хочу лес за своим домом! – капризно добавила девушка.

– Значит, мы будем искать тебе мужа с домом на континенте! – герцог обнял девушку и поцеловал в лоб. – Чтобы был лес!

– Я сейчас только себе кажусь полной дурой или тебе тоже? – Тициана подозрительно посмотрела на отца, но в ее зеленые глаза уже вернулось природное чувство юмора и самоиронии. Они блеснули и переливались искорками смеха.

– Ты сейчас очень похожа на маму... – герцог внимательно смотрел на девушку.

– Ага! Только волосы рыжие!

– Ты действительно у меня глупая. – он покачал головой. – И очень красивая. Ты даже не представляешь, насколько!

– Папа! Ты просто предвзято ко мне относишься!

Герцог покачал головой и в который раз убедился, что его дочь не осознает собственной привлекательности. И это вызвано тем, что девочка выросла без матери. Он снова взглянул на дочь и увидел красивое овальное личико, большие зеленые глаза, тонкий прямой носик и полные губы. Не было ни одного изъяна в ее лице или фигуре. Он мог заявить это как мужчина. Он с ужасом ждал ее выхода в свет. Все его неженатые друзья и знакомые, которые видели Тициану в их доме, просто теряли дар речи. Он уже получил несколько предложений о замужестве дочери, но отказал, не ставя в известность Тициану. Эти люди не были достойны ее. А те, которые нравились герцогу, не вызывали симпатии у Тицианы. Ей никто не нравился.

Но как объяснить 17 летней девушке, что по красоте ей нет равных, он не знал. Герцог уже начинал прятать дочь от мужских глаз, со страхом ожидая ее выхода в свет.

Дверь открылась, и герцог увидел на пороге свою старшую дочь – Азалию. Она была копией отца, единственная из его детей. Голубоглазая, черноволосая, со смуглой кожей, чистокровная венецианка. Красивая типично средиземноморской красотой. Девушка только недавно сняла траур по умершему мужу, хотя ей было только 20 лет. Сейчас она не искала себе нового жениха, она наслаждалась своей свободой и помогала герцогу вывести в свет Тициану.

Азалия была баронессой Меньер, а младшая сестра ее подопечной.

– Вот вы где! – она зашла к библиотеку и уперла руки в бока. – Тициана я ищу тебя по всему дому! У тебя последняя примерка платьев, ты не забыла? Мадам Лефлёр ждет тебя уже давно!

– Я от нее и пряталась, Азалия! Она вечно тычет меня иголками.

– Ты могла бы и немного потерпеть. – Азалия крепко взяла упирающуюся Тициану за руку и потащила из комнаты. – Ведь это же твое приданое!

– Пожалуйста, померяй их за меня, Азалия! – Тициана постаралась сказать это как можно жалобнее. Она беспомощно посмотрела на отца, ища у него поддержки, но он развел руки в стороны и с притворным ужасом помотал головой. – Я не вытерплю снова стоять несколько часов неподвижно!

– Ага, ты хочешь, чтобы я стояла не двигаясь с места, как статуя?

– Раньше это у тебя хорошо получалось! Я помню!

– Тициана, не говори глупостей! Я немного полнее тебя. Хочешь, чтобы все твои платья на тебе болтались?

– Я готова на это!

Шутливо переговариваясь, они поднимались в покои Тицианы по лестнице. Девушка вздохнула и смирилась с судьбой. Она немного потерпит, ведь платья были такие красивые! Несколько из них, сшитые для балов и карнавалов, были просто произведениями искусства.

Они зашли в гостиную, где швея уже разложила многочисленные свертки, завалив почти готовыми платьями и отрезами стоявшие в комнате сундуки и кушетки.

Ей помогала и личная служанка Тицианы Августина, очень живая и подвижная девушка, мать которой работала в их доме горничной.

– Добрый день, мадам Лефлёр! – поздоровалась со своей швеей Тициана и та приветливо кивнула в ответ.

В уголке у камина прямо на ковре сидели младшие сестры Тицианы Мария и Франческа.

– Что вы здесь делаете? – строго спросила их Азалия, нахмутив брови. – Разве синьора Газальер уже закончила с вами заниматься?

– Нет, не закончила, Азалия. – Ответила более бойкая Франческа, нахально улыбаясь. А Мария стыдливо опустила голову. – Она дала нам задания по литературе и ушла пить чай, а мы сбежали, чтобы посмотреть на новые платья Тицианы.

– Мне не нужны проблемы с вашей гувернанткой, девочки! – Азалия пристально на них посмотрела.

Франческа была на три года моложе Марии, но уже перегнала по росту пятнадцатилетнюю сестру. Девушки казались ровесницами, но лидером была самая младшая сестра.

– Азалия, вспомни, пожалуйста, себя в этом возрасте. – Франческа всегда считала лучшей защитой нападение. – Что-то я не помню, чтобы ты всегда слушалась синьору Газальер!

В полной тишине раздался неприличный смешок Тицианы: – Она права, Азалия! Ты всегда прогуливала занятия, я помню....

И Тициана рассмеялась, за ней и младшие сестры. Азалия покраснела и хитро улыбнулась.

– Да-да! Синьору Газальер у нас слушалась только Тициана! А я нет! Девочки, вот я прогуливала и что получилось? Вышла замуж за игрока, который разорился, играя в баккару и после этого пьяный вывалился из гондолы и утонул! Где был мой ум, когда он соблазнял меня своими страстными речами? Хотите тоже совершить подобную глупость – прогуливайте дальше!

Подобная перспектива так ужаснула сестер, что они мигом поднялись на ноги и выскочили из комнаты Тицианы, что-то пробормотав о недоделанных заданиях.

– Азалия, как тебе не стыдно! – пряча улыбку, тихо сказала Тициана.

– А разве я не права? – Старшая сестра уже помогала мадам Лефлер снимать платье с девушки. – Вот будут постарше и поймут, что я только по собственной глупости приняла увлечение за любовь. Теперь раскаиваюсь. Плохо, конечно, это признавать, но я рада, что стала вдовой. Надеюсь, что еще встречу свою судьбу....

– Ах, Азалия, конечно встретишь. – Голос был глухим из-за вороха юбок, которые в этот момент надевались Тициане на голову. – Я даже не сомневаюсь!

– Спасибо, дорогая! Теперь хватит говорить обо мне и давай заниматься твоим приданным!

– Слово приданое – звучит очень удручающе, ты не находишь, Азалия?

И все таки, старшая сестра расхохоталась.

– Тициана, я скажу отцу, чтобы он больше не занимался с тобой философией!

– Дорогие леди! – прервала их мадам Лефлёр. – Очень жаль вас прерывать, но если я не ошибаюсь, сегодня у леди Тицианы премьерный выход в свет, поэтому надо поторопиться! Времени у нас не так много.

Тициана так ждала этого вечера, так о нем мечтала, так боялась! Первый в ее жизни бал, первый выход в свет! Ей скоро исполнялось 18 лет, почти все ее подруги уже были замужем, и половина имела детей. Она должна была дебютировать раньше, но у ее старшей сестры Азалии умер муж и она стала вдовой. Все семейство было год в трауре.

Девушка смотрела на свое карнавальное платье и радовалась. Она немного стеснялась своей яркой внешности, поэтому выбрала для бала-маскарада образ Клеопатры.

Августина помогла заколоть непослушные локоны в тугий пучок на затылке, а затем надела черный парик с короткими волосами до плеч и густой челкой. Белое платье с длинными рукавами спадало на пол прямыми строгими линиями. Золотыми нитями были обшиты подол платья и широкие рукава. Девушка подчеркнула узкую талию золотым ремешком.

А затем в ход пошли украшения. В поисках их Тициана полгода назад обегала всю Венецию. Широкое ожерелье почти полностью закрывало шею и спадало на грудь красивым египетским орнаментом. Тяжелые браслеты на руках дополняли набор. На голову золотой обруч, который венчала голова сокола. Эта птица в древних египетских мифах отождествлялась с богом Ра – богом солнца. А она в своей семье и была солнцем. Пусть это всего лишь тонкий намек, который вряд ли поймут окружающие, но Тициане было приятно лишь оттого, что это понимала она сама.

Затем Августина угольками подвела ей глаза. Широкие черные стрелки по верхнему и нижнему веку проходили по вискам до линии роста волос.

Тициана не могла себя видеть, поэтому вопросительно посмотрела на сестру: – Ну как?

Азалия просто молча качала головой. Она видела грубые изображения этой женщины в Венеции. Их было полным полно на рынке. Клеопатру изображали на монетах, медальонах, папирусах, древних вазах и статуэтках. Девушка видела даже фрагменты настенных изображений. И, честно говоря, не понимала стремления Тициана выглядеть именно так. Но сейчас здесь не было ее озорницы сестры, перед ней стояла египетская царица. Что-то детское и раннее исчезло, оставив неизвестно откуда взявшуюся сексуальность.

У Азалии мурашки побежали по рукам. Тициана всегда была красива, но эта красота была какой-то опасной.

– Ты на себя не похожа... – других слов у Азалии не было.

– Я этого и добивалась, верно? – в голосе Тицианы появилась неуверенность.

– Все хорошо, поверь! Просто ты совсем другая. Тебе даже маска не понадобится. Тебя никто не узнает.

– Меня и так никто не знает.

– Там будут твои подруги! Папины друзья и деловые партнеры, которые бывали у нас в гостях, и знают как ты выглядишь. Подшути над Амадеей! Пусть она попробует тебя узнать! Потом мне расскажешь.

Тициана с облегчением кивнула, а Азалия, будто о чем-то вспомнив, спросила:

– Кстати, дорогая, не слишком ли много украшений? Твоя кожа...

– На вечер меня хватит! – перебила Тициана. – Не о чем переживать.

Дверь в комнату тихонько открылась и Франческа с Марией сунули свои любопытные головки в щель.

– Тициана! Мы устали тебя ждать внизу! Ты скоро?

Азалия махнула им рукой, чтобы они зашли. Сестры тихонько хихикая, зашли в комнату. А Тициана обернулась к ним лицом: – Ну как?

Азалия и Августина с удовольствием наблюдали, как вытянулись их лица.

– Просто потрясно! – Франческа, как всегда, не полезла за словом в карман. Все находящиеся в комнате весело рассмеялись.

Мария и Франческа с восхищением стояли рядом и рассматривали девушку. Они очень радовались за сестру и мечтали, что скоро наступит такой день и в их жизни.

– Ах, Тициана, ты там будешь самой заметной и яркой. – Воскликнула Мария.

– И самой красивой! – добавила Франческа.

Тициана смутилась. Она прекрасно знала, как ей далеко до красоты. Вот все ее сестры были красивы. Каждая по разному, но все одинаково прекрасны. Девушка искренне не понимала, почему они считают красивой ее.

Ее старшая сестра Азалия была копией отца, чистокровного венецианца – герцога Пауло Аньежио, смуглокожая, черноволосая и голубоглазая. Высокая, со всеми нужными выпуклостями в нужных местах, она была очень популярной девушкой во время своего дебюта.

А Мария, которой сейчас было 15 лет, была копией матери, шотландки по происхождению. У нее была очень белая кожа, как и у Тицианы, голубые глаза, светлые волосы и хрупкое телосложение.

Франческа в свои 12 лет тоже обещала стать очень красивой девушкой. Пожалуй, самой красивой из всех сестер. Она унаследовала от матери светло-голубые глаза и белую кожу. От отца ей достались смоляные волосы и высокий рост.

Девушка смотрела на своих сестер и искренне радовалась за каждую. Наверное, со временем Тициана смирилась бы с рыжими волосами, если бы не насмешки ее подруг. Ох, сколько слез она пролила из-за этого. Самое безобидное из ее детских прозвищ было – морковка! И сколько мама не убеждала ее, что они просто завидуют, ничего не помогало. А потом мамы просто не стало. И когда отец начал говорить ей тоже самое, она просто не верила. Домашние просто очень ее любят, вот у них и предвзятое мнение. Это доставляло Тициане множество проблем и комплексов. Но насмешки друзей прекратились, когда девушке исполнилось 16 лет. Из девочки она превратилась в девушку.

Неожиданно выросла грудь, а талия уменьшилась до такой степени, что фигура стала напоминать песочные часы. Непослушные кудрявые волосы Августина стала укладывать в красивые и замысловатые прически, вместо обычной косы. Глаза чистого зеленого цвета, напоминали адриатическое море в шторм. Они смотрелись неправдоподобно большими на маленьком лице, также выделялся крупный рот и полные губы.

Тициана замечала, что нравится мужчинам. Она была далеко не дурой. Иногда идя по площади, сопровождая отца в церковь, она бросала взгляд на мужчин и у них начинали заплетаться ноги. Некоторые, будучи представленными ей, не могли вымолвить ни слова.

Герцог никуда не отпускал ее одну или в сопровождении сестер. Их всегда сопровождали слуги-мавры. Могучие и черные, как эбеново-дерево, они вызывали страх у прохожих, что и требовалось отцу.

У сестер был еще младший брат, Федерико, но ему было всего 7 лет, он был еще маленький. И девочки с ним почти не играли. Часто даже не вспоминали про него.

Сейчас Тициана судорожно вздохнула и посмотрела на сестер, судорожно сминая подол платья в ладонях.

– Ну что, я пошла? – голос немного дрожал от волнения.

Сестры кивнули одновременно, а Франческа запрыгала от нетерпения.

– Ах, Тициана, ну иди уже скорей! Завтра я первая запрыгну тебе в постель и потребую рассказа во всех подробностях!

– Договорились, Фра! Только давай не очень рано, а то я не знаю, как поздно приду!

Тициана протянула руки, и сестры бросились ее обнимать. У девушки было странное чувство, будто она прощается с ними навсегда. Тициана постаралась отогнать от себя дурные мысли. Верная Августина стояла в уголке спальни и утирала глаза передником.

– А теперь пойдем скорей, отец тебя уже ждет! – Азалия потянула сестру за собой.

Сестры разомкнули объятия, и Тициана направилась к выходу. Внутри все немного дрожало, но она старалась это не показывать. Как жаль, что она не может посмотреть на себя со стороны. Вот бы изобрели такой предмет, который позволял бы делать это. Все женщины мира сказали бы изобретателю спасибо! Она быстро спустилась по лестнице, улыбаясь своим нарциссским мыслям, где ее уже ждал отец.

– Папа! – воскликнула она неуверенно и отец обернулся. Девушка развела руки в стороны и закружилась перед ним, демонстрируя свой наряд.

Герцог внимательно посмотрел на Тициану, а потом перевел взгляд на Азалию. Старшая дочь прекрасно поняла внутреннее смятение отца, она покачала головой, прося его промолчать. А Тициана весело щебетала, рассматривая одежду отца.

– Где твоя фантазия, папочка? Юлиев Цезарей на маскараде будет очень много! Как я тебя отыщу среди них?

– Не переживай, Тициана! – герцог немного оправился от шока. – Я не отойду от тебя ни на шаг! Тебе не придется меня искать!

Отец взял ее за руки и развел в стороны, рассматривая ее со всех сторон.

– Ну как? – в голосе Тицианы слышалось нетерпение. – Я тебе нравлюсь?

– Ты слишком красивая....

– Да ладно, папа! Не придумывай глупости! – девушка рассмеялась, кружась вокруг себя, будто слушая музыку.

– Я совсем....

– Отец, сколько можно тянуть. – Азалия прервала их диалог, принимая из рук слуги свой плащ. – Мы и так опаздываем. Граф Морозини не будет нас ждать! Мы опоздаем на представление!

Герцог Аньежио пожал плечами, подмигнул Тициане и взял из рук дворецкого свой черный плащ и белую маску-бауту, которая закрывала лицо полностью.

Девушки же приготовили для себя полумаски, которые оставляли открытыми нижнюю часть лица. У Азалии маска была черного цвета и отделана яркими перьями, у Тицианы золотистого цвета и ничем не украшена. Она подумала, что снимет ее сразу по приезду, ее и так никто не узнает.

Девушки заняли в гондоле места в каюте, отец сел рядом, но уже снаружи. Сопровождающие их двое мавров еле уместились на краю лодки. Гримо, их молодой и сильный гондольер аккуратно вырулил на середину канала.

Палаццо графа Морозини находилось на площади святой Марии и отличалось огромными размерами и наличием своего театра, где во время карнавала граф устраивал театральные представления. Вход был только по специальным приглашениям и только для избранных аристократов города.

Они доплыли довольно быстро, но на улице уже стемнело и немного похолодало. Был конец ноября, и Тициана поплотнее закуталась в свой плащ.

Пристань у палаццо графа была заполнена яркими гондолами, и Гримо пришлось потрудиться, чтобы найти место для причала. Когда лодка плавно ткнулась в деревянный причал, лакеи графа уже протягивали руки, чтобы помочь выйти высокопоставленным гостям.

Тициана вышла вслед за Азалией и подала лакею свой плащ. Она краем глаза видела, как отец подает приглашения дворецкому, который стоял у входа в освещенный зал, и они прошли внутрь.

Девушка взяла отца за руку, и они вместе стали подниматься по лестнице вверх. Сцена театра Морозини напоминала римский Колизей, только была не круглой, а полукруглой и намного меньше. Зрительные места начинались со второго этажа и спускались вниз ступеньками. На все ступеньки были положены мягкие подушки, чтобы гостям было удобнее сидеть.

Представление уже начиналось и почти все места были заняты. Герцог Аньежио что-то тихо спросил у распорядителя и рукой им указали на их места. Чтобы дойти, пришлось спускаться вниз до самой сцены. Девушке было очень неудобно, она чувствовала недовольные сверлящие взгляды в спину и перешептывания, но не оборачивалась. Они сели и ее тут же захватило представление о глупом и хвастливом воине.

Глава 4

Когда Рам и Алессандро прибыли в театр, они узнали, что их места находились почти у сцены. Молодых людей это не устроило. Они попросили распорядителя посадить их подальше от сцены и поближе к выходу, что было немедленно выполнено. Несмотря на маски, имена в их приглашениях говорили о том, что это богатые аристократы, с которыми Морозини совсем не хотел ссориться.

У него самого было две дочери на выданье и оба молодых человека его устраивали в качестве зятьев. Это вообще были одни из самых завидных холостяков Венеции, и одни из самых богатых! Их незамедлительно пересадили на самый последний ряд.

Алессандро тут же принялся угадывать среди масок знакомых ему людей. Получалось, в основном, с дамами, чему Рам нисколько не удивлялся. Он, как всегда, принялся нашептывать другу о тех, кого узнал.

Рам был редким гостем на подобных мероприятиях, в отличие от друга. Несмотря на маскарад, Алессандро безошибочно кивал многим своим знакомым.

– После представления, – начал шепотом ему говорить Гавани. – Я представлю тебя графине Аскоррей. Смотри, она только что прошла мимо. Ей всего 28 лет, а муж в постоянных командировках на материк. Довольно красивая женщина, скажу я тебе. И чисто плотная, любовников себе выбирает очень тщательно, меня отвергла, представляешь?

Рама действительно заинтересовал этот необычайный факт, и он повнимательнее взглянул на проходящую мимо женщину. Стройная и высокая, в платье Коломбины, с черными смоляными волосами, убранными в высокую прическу, женщина не выделялась абсолютно ничем. Лицо было закрыто золотой маской, впрочем, как и у всех, а волосы в Венеции были у большинства жителей черными. Только чувство собственного достоинства и превосходства плыло за ней невидимым шлейфом отличия.

– Я познакомлюсь с ней только для того, чтобы ты отстал! – прошептал Рам.

– Договорились! – тихонько рассмеялся Алессандро.

Но тут началось представление и друзья притихли. Принц не очень любил греческие комедии, или просто актеры каждый раз попадались никудышные. И не давало покоя странное ощущение покалывания в затылке. У него возникало такое всякий раз при приближении опасности или когда в его жизни происходили большие перемены. Руки покрывались мурашками, обострялись зрение и слух. Рам начал потихоньку осматриваться, хотя сам понимал бессмысленность этого. Все были в масках и полумасках. Он незаметно проверил ножи, привязанные к щиколоткам, которые всегда брал с собой, независимо от того, куда идет.

Несколько входов в театр были ярко освещены и пустовали. Кроме одного. Принц пригляделся к мужчине, стоявшему в проходе театра на самом верху. Ничем не примечательная черная одежда городского нобиля, белая маска закрывала лицо полностью. Высокий, худой, волосы черные. Он ни чем не выделялся. Почему он не садится? И совсем не смотрит представление? Рам проследил за его взглядом... Ему было очень хорошо видно этого мужчину, он стоял прямо напротив него, а вот на кого он смотрел? Куда-то вниз. На кого-то в первом ряду? И даже сквозь маску был виден голодный и хищный взгляд. Пока Рам пытался разглядеть зрителей первого ряда, мужчина исчез. Внезапно и неожиданно, а вот ощущение опасности не пропало. Странно.

Он с трудом дождался конца представления, бесконечных аплодисментов и поклонов. Актеры несколько раз вызывались на сцену и никак не хотели уходить. Вместе с ними на сцену вышел граф Морозини. Маленький и толстенький итальянец с совсем лысой головой в костюме рыцаря выглядел просто нелепо. Он дождался тишины и объявил.

– Дорогие друзья, я рад приветствовать всех вас в моем палаццо. Рад, что вам понравилось представление. А теперь вас всех ждет бал-маскарад и прекрасные закуски! Праздник продолжается!

Снова раздались бурные аплодисменты, но Рам уже встал с места и потянул друга за собой.

– Эй, куда мы так торопимся? – Алессандро даже запнулся.

– Хочу занять наблюдательный пост получше.

– Не понял тебя...

– Сейчас поймешь!

Рам быстро вышел из высоких двойных дверей и спустился по широкой лестнице. Он уже бывал здесь, поэтому путь в бальный зал не вызвал затруднений. Молодой принц зашел в огромную комнату.

Кроме музыкантов, которые настраивали свои инструменты для танцев, здесь находились только слуги. Зеленые ливреи и зеленые маски выдавали в них принадлежность дому Морозини.

Рам снова вышел в холл и огляделся. Аристократическая публика не торопилась покидать театр.

– Рам, ты свихнулся? – Маркиз Гавани не выбирал выражений, следуя попятам за другом.

– Алессандро, ты знаешь насколько обострено у меня чувство опасности? – Рам остановился за высокой колонной в холле, закрывавшей лестницу и двери в бальный зал.

– Да, очень хорошо! Но что тебя насторожило?

– Я сам не знаю. – Рам задумчиво рассматривал лениво спускающихся гостей. По бокам лестницы стояли лакеи и держали на подносах чаши с вином, элем, квасом и водой. – Чувствую, что что-то должно произойти.

– Если бы я не знал тебя так хорошо, я решил бы, что ты просто выпил лишнего! – Гавани с ужасом наблюдал за заполняющимся залом. Скоро гостей стало так много, что молодые люди перестали наблюдать. Это было просто невозможно. – Если здесь произойдет что-то нехорошее, то это чертовски плохо! Так много народу.

Раму очень понравилось такое безоговорочное доверие друга. Его интуиция много раз спасала им жизни. Но увидеть опасность в доме высокопоставленного чиновника, окруженном охраной со всех сторон. Где находились только богатые вельможи по приглашениям... Странно. Театральное представление, бал-маскарад, танцы, приятная музыка приглашали расслабиться и наслаждаться. Смех и веселые разговоры со всех сторон окружали молодых настороженных людей.

– Ну что? – спросил через некоторое время Алессандро.

– Я не знаю... – задумчиво ответил Рам.

– Ты мог ошибиться?

– Нет! – это молодой принц мог сказать безошибочно и Гавани это знал.

– Что будем делать? Может, уйдем? – друг потер руки и весело подмигнул. – Если будет драка, не хочу испачкать костюм! Он мой любимый!

– Драки не будет. – Рам продолжил прислушиваться к своим внутренним ощущениям. – Опасность грозит кому-то одному...

Глава 5

Тициана держала отца под руку, пока он разговаривал с графом Морозини и бароном Флавио де Понте. Они столкнулись с ними в дверях бального зала, который быстро наполнялся смеющимися людьми. Заиграла музыка, первые пары начали танцевать. Азалия чуть раньше отошла от них поприветствовать своих знакомых.

Отец очень дружил с графом, а вот с де Понте герцога связывали только деловые отношения. После того случая, когда барон предложил ей выйти за него, Тициана больше этого мужчину не видела. Спасибо папе, он сделал все, чтобы Тициана избежала общения с ним.

Но даже здесь папа умудрился начать разговор о поставках соли в Европу. Дела превыше всего. Ох уж эти мужчины. Обычно такие разговоры были интересны девушке, но только не сегодня. Она глазами искала Амадею или Патрицию, дочерей графа Морозини. Она давно не виделась с подругами, и Тициане не терпелось обсудить последние новости, что нового произошло в их жизни. Назначена ли дата свадьбы у Амадеи с ее итальянским графом. Помогла ли Патриции новая диета, которой девушка начала придерживаться, чтобы похудеть. Что вообще нового в Венеции, о чем отец ей никогда не расскажет. Просто потому, что его такие вещи не интересуют.

Девушка в который раз поймала тяжелый взгляд де Понте. Пришлось приложить усилие, чтобы не поежиться. Неприятные мурашки побежали по коже. Это как же можно так смотреть, возмутилась про себя Тициана. Она чувствовала себя грязной только от одного жадного взгляда.

Тициана прекрасно понимала, что совсем избежать с ним встреч не получится. Тем более сейчас, когда наступил сезон. Де Понте, как завидного холостяка, будут приглашать на многие мероприятия, где будет Тициана. Очень жаль, но придется потерпеть. Она хорошо знала нормы поведения в высшем обществе. Поэтому глубоко вздохнула и постаралась мило улыбнуться барону. Он узнал ее сразу, девушка поняла это по его восхищенному взгляду.

Больше терпеть не было сил. Тициана незаметно пожала руку отцу, и он отвлекся.

– Дорогая, я вижу, что тебе не интересно. – герцог накрыл ее руку своей, прерывая свой разговор. – Дай мне немного времени, и я буду в полном твоём распоряжении.

– Ваша дочь сегодня просто прекрасна, Аньежио. – барон сказал это, не отрывая от девушки глаз. – Но как бы она не гримировалась, ее глаза не узнать просто невозможно. Или спутать с любыми другими.

– Спасибо. – ответил герцог, явно выдавливая из себя слова благодарности. – Мои дочери, это моя гордость. Думаю не осталось в Венеции людей, кто бы не знал об этом.

А рука отца непроизвольно сжалась, подумала Тициана. Правила этикета не позволяли грубо ответить на чересчур смелый комплимент.

– Извините меня, господа! Давайте поговорим о делах завтра. Здесь не время и не место.

– Уделите мне еще совсем немного времени, герцог. – сказал с улыбкой де Понте. – Завтра, рано утром, я уплываю в Константинополь, и нам не удастся поговорить в ближайшее время.

– Тициана, ты можешь отойти ненадолго. – герцогу явно не нравилось то, что он говорил. Но он чувствовал, что дочь готова быть где угодно, но только подальше от Флавио де Понте. – Возьми себе что-нибудь попить и найди Азалию. Мне нужно с ней побеседовать!

Последние слова отца были немного угрожающими, Тициана сразу поняла их скрытый смысл. Она мило улыбнулась мужчинам, изящно присела в поклоне и поскорее отошла.

Тициана взяла с подноса бокал с водой и огляделась в поисках Азалии. Она увидела сестру, танцующую бас-данс с партнером, одетым как рыцарь-тамплиер. На ее лице сияла счастливая улыбка, в каждом плавном движении сквозило кокетство.

«Я совсем не подумала о сестре» с досадой подумала Тициана. Ведь для нее этот бал тоже был первым. Первым после долгого перерыва. И для Азалии это было даже более важно, чем для Тицианы. Для девушки это было просто очередным развлечением, а для старшей сестры смыслом жизни. После года несчастливого супружества и похорон, Азалия ждала этого бала сильнее всего на свете. Это было началом перемен в ее жизни.

Как же она могла требовать к себе внимания, если сестра так наслаждается происходящим? Ничего! Пусть папа исполнит роль дуэньи. Тициана оглянулась в поисках отца, но на том месте, где мужчины вели свои разговоры, никого не было. Буквально на глазах пустой балный зал заполнился танцующими парами, повсюду образовались группы смеющихся людей.

– Можно пригласить прекрасную Клеопатру на танец? – перед Тицианой склонился невысокий юноша в костюме римского императора. Он держал свою маску в руке, видимо снял ее, чтобы не прятать свое лицо, на котором неуверенность периодически сменяло восхищенное выражение.

Тициана вежливо отказалась. Она побоялась принять приглашения на танец без одобрения отца. Когда она попыталась объяснить это молодому человеку, ее неожиданно окликнули.

– Синьорина Тициана?

Девушка оглянулась и увидела мужчину в зеленой ливрее и зеленой маске. Так были одеты только слуги графа. После кивка, он отдал ей аккуратно сложенную записку и с поклоном удалился.

Тициана была очень удивлена. Она медленно развернула листок бумаги и прочла:

«Тициана, мне нужно срочно тебя увидеть! Вопрос жизни и смерти! Жду тебя в кабинете отца. Амадея»

Девушка ничего не поняла. Почему Амадея просто не подошла к ней? Зачем такая таинственность? Что такого могло случиться, о чем просто нельзя сказать, отведя человека в сторону? И как этот слуга ее узнал? Может, видел ее вместе с герцогом Аньежио, вот и предположил. Ведь он же уточнил имя, передавая записку.

Вот и объяснение тому, что Тициана не видела подругу ни на балу, ни в театре. Может граф наказал ее за что-то? И не разрешил присутствовать на празднике? Хотя на него это совсем не похоже, Амадея и Патриция вили веревки из своего отца.

Тициана быстро пробралась к выходу из зала и повернула в узкий коридор личных покоев семьи Морозини. Кабинет графа найти было несложно. Здесь было на удивление пустынно и темно. Факелы уже не освещали путь на каждом шагу. Один в начале коридора, и один в конце. Конечно, здесь было пустынно. Кому хочется находиться здесь, когда рядом представление, музыка и танцы.

Девушка остановилась перед кабинетом, оглянулась по сторонам и тихонько приоткрыла тяжелую дубовую дверь.

– Амадея? – негромко позвала Тициана, засовывая в щель голову. Комната была погружена в полумрак. – Ты здесь?

Оставив дверь приоткрытой, она вошла и огляделась. За несколько месяцев здесь ничего не изменилось. Все тот же заваленный бумагами и папирусными свертками стол. Тициана даже не могла припомнить, какого он цвета. Стол всегда был так завален, а граф Морозини начинал истошно кричать, когда замечал некое подобие порядка в своем кабинете. Это происходило, когда слуги проводили здесь уборку и протирали пыль.

Камин все еще был заставлен цветами, хотя в ноябре можно было начинать его топить.

Тициана краем глаза заметила колыхание плотной оконной занавески.

– Амадея? – снова позвала она, подходя к окну. Когда и сзади нее раздался шорох, девушка попыталась обернуться, но почувствовала тяжелый удар по голове. Последнее, что она запомнила перед тем, как погрузиться во мрак, это головокружение и быстро приближающийся пол.

Глава 6

Рама просто поедало изнутри какое-то беспокойство. Но все было в порядке. Ничего не произошло. Танцы были в самом разгаре. Веселый смех слышался отовсюду. А граф Морозини со своей симпатичной женой хором объявили о снятии масок. Рам не смог удержаться от улыбки, узнав в некоторых шутах своих деловых партнеров. Некоторые патриции не оделись для маскарада. Впрочем, как и сам принц. Но ему и не нужно было переодеваться. Его рубашка и штаны в корне отличались от обычной одежды венецианцев.

Алессандро уже кружил в танце какую-то Коломбину, а Рам с удивлением понял, как не хватает рядом друга. Проходившие мимо женщины и девушки мило улыбались, давая понять, что не против знакомства. А он даже не знал, кто они такие. Ответная улыбка не задевала никаких струн в его душе. Может, с ним действительно что-то не так?

Как-то раз Пха Нам сказал, что чувства Рампхуэнга дремлют. И чем дольше они спят, тем сильнее они будут, когда проснутся. Все это, конечно, чушь, но Рама действительно беспокоило отсутствие интереса к кому бы то ни было.

Музыка ненадолго смолкла, и Рам с облегчением увидел, как Гавани направляется в его сторону. И конечно, он не смог пройти мимо очередной красивой женщины. Маркиз преградил ей путь и галантно поклонился, что-то сказав. Молодая женщина ему даже не улыбнулась, она кивнула и прошла мимо, направляясь к герцогу Аньежио. Рам знал этого патриция не очень хорошо, просто был когда-то ему представлен. Вот и все. Но он очень много о нем слышал. И только хорошее. Это был один из самых уважаемых аристократов в Венецианской республике. И, пожалуй, один из самых богатых. Он стоял рядом с графом Морозини и, судя по выражению лица, говорил тому что-то неприятное.

Женщина, мгновением ранее не проявившая интереса к Алессандро, подошла к герцогу и взяла его под руку, нежно поглаживая по плечу, словно успокаивая. Гавани совсем спятил, подумал принц. Приставать к жене влиятельного человека не очень разумно. Можно потом нечаянно оказаться в канале без головы. Такое часто бывало в Венеции.

Когда друг подошел, Рам сквозь зубы проговорил.

– Гавани, ты совсем спятил? Ты можешь хотя бы не приставать к замужним женщинам на глазах у мужей? Хочешь нарваться на неприятности?

– Кто замужняя? Баронесса? – Алессандро оглянулся и засмеялся. – Нет! Она вдова. А герцог Аньежио ее отец. Красивая женщина. И чем-то явно обеспокоена.

– Ты сделал такой вывод, потому что она не обратила на тебя внимания?

– Нет, умник! Потому что она действительно обеспокоена. Уже, впрочем, как и хозяйка вечера.

Рам заметил, как быстро уходят из танцевального зала герцог, его дочь и супружеская пара Морозини. На их лицах было волнение.

– Я тоже ухожу. – сказал он Гавани. – Мне здесь не нравится. Какое-то ужасно неприятное чувство. Давно такого не было. И я не хочу здесь оставаться.

– Какое совпадение! – весело заметил Алессандро. – И я здесь не остаюсь. Неожиданно наметилась встреча...

– Этого просто не может быть! – Рам, не веря, покачал головой. Когда-нибудь его друг нарвется на большие неприятности.

– Это потому, что ты не веришь в бога. – продолжал рассуждать вслух Гавани. – В заповеди сказано – возлюби ближних! Вот я и люблю.... А ты вообще никого не любишь.

– Невероятно. – Раму пришлось поддержать друга, когда тот споткнулся о ковер. – Сколько ты выпил?

– Ты мне не мама! Я отказываюсь отвечать!

– Ладно. Ладно. – успокоил друга принц. – Я умолкаю. Если свалишься в канал, не жалуйся потом мне! На улице довольно прохладно.

Молодые люди не смогли обнаружить в зале графа. Дворецкий сказал, что у него возникли неотложные дела и сейчас он не может присутствовать на празднике. И пообещал передать наилучшие пожелания и слова прощания.

Они уходили одними из первых, поэтому пришлось подождать свои гондолы. Рам с удовольствием вдохнул прохладный ноябрьский воздух. Дождь давно закончился, оставив после себя свежесть и мокрые мостовые. Молодой человек наслаждался прохладой, свежим ветром. Он с удовольствием подумал, что сейчас прогуляется с Суджаем. В последнее время редко это удавалось. Может даже разрешит ему поплавать. Тигры очень любят воду, о чем в первую очередь подумал Рам, когда выбирал место под строительство своего дворца.

Густонаселенный центр города не подошел. Суджай бы распугал всех соседей. Пришлось полностью выкупать небольшой остров, о чем впоследствии Рам не пожалел ни разу. Пустующие дома бывших владельцев он сносить не стал. Их жуткий, опустевший вид отпугивал всех окрестных воров и грабителей. Никому не хотелось встретиться с живым тигром в таком вот пустом доме. Даже местные нищие не проявляли желания переночевать и спрятаться от холода. А для Суджая было большим развлечением гулять по старым развалинам. И он мог гулять везде на острове. Правда только ночью. Утром Пха Нам прятал тигра под замок.

Когда гондольер причалил к острову, было уже за полночь. Его слуги были расторопны и молчаливы, они понимали Рама с полуслова, с полужеста. Привыкли не задавать глупых вопросов, знали, что хозяин любит тишину. Кивком головы Рам отправил их в дом, а сам пошел вдоль набережной. Спать совсем не хотелось. Непонятное, жужжащее беспокойство, которое началось на приеме у графа Морозини, все никак не проходило...

Рам просвистел знакомую мелодию, призывая домашнего питомца, и прислушался. Тишина. Просто удивительно, насколько тигры были бесшумны. Как и любая другая кошка гораздо меньшего размера. Хотя Суджай не мог не услышать этого свиста, и наверняка стремительно приближался.

Рам увидел его прямо перед собой через мгновение, в темноте светились желтые глаза. Животное было неподвижно, только длинный полосатый хвост подергивался из стороны в сторону. Рам подошел ближе, наклонился, потрепал Суджая по голове и почесал за ушами.

– Привет, друг! – прошептал он прямо в мохнатое ухо. – Соскучился по тебе...

Тигр ткнулся мордой в плечо принца и утробно замурлыкал. Так он выражал свою привязанность и любовь. Шерсть еще не успела высохнуть, значит Суджай гулял под дождем. Рам снова пошел вдоль набережной, желая перед сном немного освежиться.

Глава 7

Тициану разбудили грубые мужские голоса. Говорившие яростно спорили, вот она и очнулась. Сначала девушка не могла уловить смысла слов, слишком шумело в голове. Но потом отдельные фразы стали складываться в предложения.

– Мы же не знали, что нельзя было бить! Вы сказали, чтобы она молчала, а это самый надежный способ...

– А если бы вы ее убили, придурки?

– Нет! Я рассчитал силу удара. Поверьте, хозяин, не в первый раз...

– Заткнись, идиот и слушай....

Тициана приподнялась, и гул в голове перерос в рев. Больше она не слышала голосов, вообще ничего не слышала. Девушка села и руками нащупала под волосами огромную шишку. Парика на ней уже не было. Как же больно! Она поднесла перепачканную в чем-то черном руку к лицу. Пальцами потрогала непонятную липкую жидкость. Потом вспомнила, что в темноте кровь всегда черного цвета. Сразу тошнота поднялась к горлу, желудок сжал спазмами. Тициана согнулась пополам и ее вырвало. Она поняла, что не может даже подняться с колен. Не потому что ослабла, а из-за головокружения.

Как пульсирует голова! Она до сих пор не слышала ничего, кроме шума в ушах. Похоже, что напавший на нее мужчина нагло соврал. Он явно не рассчитал силу удара, если бы не плотный парик, он бы проломил ей череп.

Тициана попробовала оглядеться. Она поняла, что сидит на голой земле. Браслетов и ожерелья на ней уже не было. Оказалось, ее уже успели ограбить. Она на мгновение пожалела этих грабителей. Отец скормит их крысам за это похищение. Когда найдет ее, в чем девушка не сомневалась.

В помещении было сыро и пахло плесенью. Ничего не было видно, никто не позаботился дать пленнице хотя бы небольшой фонарь. Хотя она не боялась темноты, в этом помещении было что-то жуткое. Тициана поняла, что замерзла. Как долго она пролежала без сознания? Что еще эти грабители с ней сделали?

Девушка в панике проверила руки и ноги, ощупала себя и поняла, что кроме головы, никаких повреждений нет! Слава богу!

Она подпрыгнула от страха, когда раздался громкий скрежет открываемого засова. Дрожащую руку Тициана приложила к груди, пытаясь успокоить сильно бьющееся сердце.

Когда дверь открылась, в комнату вошли двое мужчин. Они закрепили факелы по обеим сторонам двери, и в помещении стало светло. Хотя разглядывать было совсем нечего. Здесь не было даже окна. И никакой мебели. Четыре голых заплесневелых стены и земляной пол. Комната напоминала старый заброшенный склад. Только вот в каком районе города?

Потом Тициана посмотрела на похитителей. Здоровые, плохо пахнущие бугаи напоминали портовых матросов. Одежда тоже была дешевой и очень грязной. Лица мужчины закрыли платками. Была видна только верхняя половина лица. Длинные грязные волосы, слипшиеся от пота, и черные жестокие глаза. И ни капли сострадания, похоже, похитители наслаждались чужими муками.

– Очнулась? – проговорил один из них. Тот, который был ниже ростом. Девушке показалось, что он сказал это с облегчением.

– Что вам нужно от меня? – Тициана очень постаралась, чтобы голос не дрожал.

– Нам ничего от тебя не нужно, успокойся! – проговорил второй мужчина с сильным арабским акцентом. – Мы просто доставим тебя рано утром на корабль, и ты нас больше никогда не увидишь. Так что веди себя хорошо. Будешь кричать, придется снова тебя вырубить!

– На какой корабль? – Тициана судорожно пыталась понять, что им было нужно. – Разве вы не будете просить за меня выкуп?

– Нам уже заплатили за тебя. Очень хорошие деньги.

– Послушайте. – Тициана постаралась собраться с мыслями. – Мой отец отдаст вам за меня любые деньги....

– Риск слишком велик, девочка. Тебя уже купили. И продавать не собираются...

Первый мужчина ненадолго вышел и вернулся с кувшином воды и кружкой.

– Если захочешь пить, не стесняйся. – он поставил все это рядом с дверью, не став подходить ближе. – Утром мы уйдем отсюда. Можешь пока поспать.

– Послушайте! – жалкий окрик не остановил похитителей. Дверь с лязгом закрылась. На этот раз мужчины не унесли факелы, оставив в комнате свет.

Тициана не хотела ничего брать у этих людей. Но во рту был такой гадкий привкус. Она взяла кувшин и умылась. С облегчением смыла грязь и кровь с лица и шеи, тщательно сполоснула руки. Сразу стало легче. Воду девушка сплюнула, пить она ее не смогла. Рвотные позывы в животе еще не утихли.

С ужасом до нее стало доходить то положение, в котором она оказалась. Разве людей похищают не ради выкупа? Она просто не могла придумать другой причины. На какой корабль ее отвезут завтра? И куда плывет этот корабль?

Тициана негромко всхлипнула и зажала рукой рот. Что с ней будет? Кому ее продали? Для каких целей? Как похитители смогли пробраться в палаццо графа Морозини? Конечно, лучшего момента для похищения придумать было нельзя. Полный дом гостей, все лица закрыты масками. В своем доме ее бы не смогли похитить так просто, слишком много было охраны. Тициана вспомнила про записку, и покачала головой от собственной глупости. Только сейчас она сообразила, что почерк в ней не принадлежал Амадее. Как она могла не подумать об этом раньше?

Тициана очень злилась на себя сейчас. Встала и начала ходить из угла в угол. Так было и теплее, и думалось лучше. Ни на какой корабль она не поплывет! Слишком плохо они ее знают! Придется познакомиться получше. Прикинуться слабой и испуганной? Легко! Пообещать все, что угодно? Пожалуйста! Вести себя хорошо? Да ради бога!

В голове потихоньку зрел план.

Глава 8

– Я еще раз тебя спрашиваю, Горацио. – в голосе герцога проскальзывали нотки отчаяния. – Как такое могло произойти в твоём доме?

У Морозини не было ответа. Тихие всхлипы издавали сразу четыре женщины. Дочери графа Амадея и Патриция, его жена и Азалия. Никто до сих пор не мог поверить в происходящее. Еще оставалась какая-то надежда на недоразумение, пока в этой самой комнате слуги не нашли на полу странную записку. Амадея клялась, что ничего подобного не писала. Раз не писала она, значит, написал кто-то другой. И под вымышленным предлогом выманил Тициану в этот кабинет. Девушки не было и в палатце герцога. Он давно послал в свой дом людей с приказом немедленно известить его, если будут какие-нибудь новости.

– Пауло? – обращение графа не остановило ходящего из угла в угол герцога. Он даже не посмотрел в его сторону. – Ты должен известить трибунал. Совет десяти даст своих людей в помощь. В каждый закоулок города мы пошлем глашатаев....

– Нет! – герцог подумал и покачал головой. – Никто не должен знать о похищении Тицианы. У меня достаточно и денег и полномочий, чтобы перерыть весь город в поисках дочери. Но я не буду трубить об этом на каждом углу. Никто не должен знать! Вы поняли?

Он строго посмотрел на замерших женщин, те одновременно кивнули.

– Пауло, все, что в моих силах.... Я помогу, ты только скажи.

– Я знаю, Горацио!

Герцог устало поглядел по сторонам. Он как будто очнулся, не понимая где находится. Гости давно разошлись, над городом начинало светлеть.

– Мы поплыли домой! Если что-нибудь станет известно. Может слуги обнаружат что-то еще...

– Я сразу тебя извещу! – пообещал граф. – Мои люди в полном твоём распоряжении.

Герцог кивнул, прощаясь со всеми, и вышел из кабинета. За ним, неслышно ступая, следовала Азалия. Они сели в гондолу, и Гримо направил узкую лодку к дому.

– Папа? – шепотом произнесла Азалия. Она больше не могла скрывать свои страхи и продолжила дрожащим голосом. – Тициана не выживет у похитителей.... Разве они догадуются, что ей нужен особый уход? Разве позаботятся о ней?

– Хватит, Азалия! – в голосе герцога были властные нотки. Мысли об этом и так не выходили из головы, но слышать было просто невыносимо...

– Она ведь ничего не скажет им! Ты же знаешь!

– Знаю. Поэтому найду ее как можно скорее.

Азалия посмотрела на отца и в его глазах увидела обещание сделать все возможное для возвращения сестры домой. Герцога просто разрывало от ярости, которую он не мог показать дочери. Зачем еще больше волновать. Надо постараться успокоиться. Он с трудом взял себя в руки.

– Я согласен, что Тициана хрупкая. – медленно проговорил он, подбирая слова. – Но у нее сильный характер и острый ум. И она знает, что мы будем ее искать. И она справится, я уверен.

Он взял холодные руки дочери в свои и ободряюще пожал: – Все будет хорошо!

Глава 9

Тициана не смогла сомкнуть глаз ни на мгновение. Факелы давно погасли, и девушка сидела в полной темноте, вздрагивая от малейшего шума. Она очень замерзла в своем тонком платье. И хотя для ноября погода была довольно теплая, это все таки был ноябрь. Похитители не удосужились предложить ей одеяло или какую-нибудь накидку. А сама она просить не будет. Лучше уж замерзнуть. Девушка обхватила себя дрожащими руками и в очередной раз потеряла плечи, стараясь согреться.

В этот раз она услышала шаги раньше, чем лязгнул засов. Тициана вскочила на ноги и замерла, прижавшись к стене. Мужчины снова зашли к ней вдвоем. В руках высокого была веревка и мешок.

– Доброе утро, красавица! – проговорил он, со страшной силой коверкая слова. – Пора нам отсюда выбираться. Давай сюда свои руки.

И мужчина поманил ее пальцем к себе.

– Вы же обещали не причинять мне вреда, если я буду послушна. – Тициана постаралась не показать свой испуг. А внутри все замерло.

– А я и не собирался! – мужчина противно расхохотался. – Я тебя просто свяжу. Мы не можем рисковать. Тебя уже ищут, поэтому даже твой писк может испортить все дело.

Он повернул подошедшую девушку к себе спиной и туго завязал ей запястья. Тициана охнула, ощутив, как на голову ей одели мешок. Затем ее взяли под руку и куда-то повели. Мужская рука крепко держала ее за предплечье.

– Пикнешь, и я тебя убью! – проговорил опять этот араб.

Даже через мешок проникал свет, и девушка поняла, что ночь прошла. Было раннее утро и еще не рассвело. Она споткнулась от быстрого шага, но похититель сильнее сжал ее руку, не давая упасть. Потом подхватил на руки и понес.

Тициана замерла от страха, находясь в объятиях этого грязного человека. Ее просто трясло от омерзения. Хвала богу, это было ненадолго. Он просто перенес ее в лодку, так как поверхность под ними стала раскачиваться, и отпустил на жесткое сидение.

– Сядь и пригнись! – приказал он ей. Раздался тихий всплеск, лодка дернулась, как-будто ее кто-то толкнул и закачалась. Затем началось движение.

Тициана судорожно начала распутывать веревки на запястьях. Только не понимала, за что надо дергать, какую именно веревку потянуть. Пробовала и так, и сяк, и наконец, нащупала узел. Девушка незримо видела перед собой песочные часы, на которых ее время неуклонно истекало...

Она поняла, что сидела на краю лодки, к похитителям лицом. Если бы это было не так, они бы заметили ее попытки освободить запястья. Город уже начал просыпаться. До нее доносились скрипы других гондол, плеск весел, крики людей с берега. Какая-то женщина, явно на берегу, громко ругалась. Она произносила так много неприличных выражений, что Тициана даже не поняла смысл того, что она кричит и чем недовольна. Зато ее громкие крики наверняка отвлекли мужчин в лодке, они начали хохотать и тихо переговариваться между собой по арабски. «Мустафа» услышала девушка слово, которое сложно было не узнать. Что ж, теперь она знает имя одного из своих похитителей. Хотя это сейчас ей ничем не поможет. Она всхлинула от безуспешности своих попыток, но этот тихий звук заглушили все еще громкие крики с берега.

У Тицианы по виску потекла капелька пота. Она даже согрелась от попыток освободиться. Надеясь, что похитители примут шевеление ее плеч за дрожание, девушка продолжала

яростно бороться за свою свободу. И сначала она даже не поверила, когда вдруг руки стали свободны. Тициана снова задрожала, на этот раз от облегчения.

Она не дала себе время на раздумья. Нащупала рукой борт лодки, быстро вскочила, поставила ноги на край и прыгнула. Ледяная вода быстро сомкнула над ней свои объятия. Последнее, что она услышала, это яростные крики.

Вода была очень холодной, но это сейчас Тициану совсем не волновало. От страха и волнения она ничего не чувствовала. Уйти на глубину, уйти на глубину! И плыть, плыть. Девушка уже в воде стащила с головы мешок и открыла глаза. Только ее домашние знали о том, как хорошо Тициана плавала. И на воде и под водой. Отец как-то обмолвился, что эта любовь к плаванию у нее наследственная.

Тициана тогда не поняла, о чем он говорит, ведь папа вообще в воду не заходил. Она ни разу не видела, как он плавает. Но, тем не менее, герцог утверждал это с полной уверенностью.

Сила толчка о борт при прыжке раскачала маленькое судно, и мужчины наверняка прилагали немало усилий, чтобы лодка не перевернулась. Это дало ей время отплыть на некоторое расстояние без опасения обнаружить направление, в котором она поплыла.

Сейчас девушка увидела в воде толстые сваи и направилась к ним. Если всплыть за одной из этих свай, то можно глотнуть воздуха и ее не заметят. Силы были на исходе, а течение таким сильным. Осенью всегда течение было особенно сильным. Даже их гондольер Гримо не всегда справлялся с непослушными потоками. Девушку постоянно сносило в сторону. Она уже не чувствовала пальцев на ногах, когда обхватила гладкое и скользкое под водой бревно руками. И выдохнув последние пузырьки воздуха, Тициана всплыла, судорожно делая первый и такой желанный вдох.

Как же холодно. И опять нельзя думать. Надо плыть! Только вот куда? В какую сторону? Конечно, подальше от похитителей. Она осторожно выглянула и увидела двух арабов, остановившихся неподалеку. Они шарили веслами по дну канала и громко ругались. Наконец, один из них прыгнул в воду и нырнул, разыскивая девушку на дне. Они были не так далеко, как думала Тициана.

Девушка оглянулась по сторонам и поняла, что в этом районе города она не была. Место ей ни о чем не говорило. Но была и хорошая новость. Совсем рядом канал разветвлялся. Ей лишь надо доплыть и свернуть в сторону. А потом, когда ненавистные похитители будут далеко, она попросит помощи.

Тициана глубоко вздохнула, оценила расстояние, которое предстояло проплыть под водой. Нереально.... А выхода не было. Просто не надо думать. Надо двигаться, и девушка сделала глубокий вдох и снова нырнула. Сстиснув зубы и ни о чем не думая, в ледяной ноябрьской воде она плыла к своему спасению.

Когда легкие загло огнем, она неожиданно увидела впереди быстро плывущую навстречу ей гондолу. Девушка уже почти достигла развилки. Если немного потерпеть, лодка пройдет мимо и можно будет не боясь, всплыть на поверхность. А дальше оставалось только выбрать направление. Но беглянка поняла, что не справится. Ей просто не хватало сил, она замерзла, а воздуха не хватало. Движения стали вялыми, ей стало казаться, что было бы лучше сдаться на милость похитителям, чем бороться с водной стихией. В глазах потемнело и замерцали непонятные пятна.

Когда уже Тициана решила смириться и перестать двигаться, неожиданно что-то мерзкое и гладкое скользнуло вверх по ее ноге. Вот уж девушка не ожидала, что можно испугаться сильнее, чем она уже испугана. Неожиданное прикосновение придало ей сил, которых, как она думала, уже нет. Только на одной силе воли, накручивая в уме, что вокруг нее кругами плавают большая акула, она снова двинулась вперед.

У Тицианы уже почернело в глазах, когда лодка поравнялась с ней. Она поднялась на поверхность, не дожидаясь, когда та немного отплывет. Судорожно хватая ртом долгожданный

воздух, она с ужасом заметила летящее прямо ей в голову тяжелое деревянное весло. Удара она уже не почувствовала.

Глава 10

Рам проснулся от настойчивого стука в дверь. Сначала он подумал, что ему это снится. Никогда слуги его не будили. Во первых, потому что он сам вставал с рассветом, а во вторых, им просто хотелось жить.

И если его будят, значит, что-то случилось. Другой причины быть не может. Рам посмотрел в окно, рассвет только занимался, окрашивая небо в яркие цвета.

– Войдите! – крикнул он и спрыгнул с кровати. Дверь открылась, и заглянул Пха Нам.

– Мой принц, доброе утро... – его советник неловко мялся на пороге.

– Что случилось?

– Суджай, мой принц...

– Что случилось с тигром, Пха Нам? – Рам повысил голос, когда тот замолчал. Еще ночью все было нормально. Он оставил Суджая на улице и тот мирно улегся на крыльце, замуривая глаза от приятного ночного ветерка.

– Такого никогда не было, мой принц... – Пха Нам заикался от волнения. – Я, как всегда с утра, собрался отвести его под замок. И взял на привязь. Тигр сначала пошел без проблем, но только до черного хода. Потом принялся зарывал на меня, вырвался и убежал...

– Я сейчас сам его приведу. – Рам быстро натягивал на себя штаны и рубашку.

– Мой принц, я побежал за ним, но он прыгнул в воду и уплыл с острова.

– Что? – Рам не поверил тому, что услышал.

Пха Нам упал перед ним на колени и опустил голову.

– Простите меня, мой принц! Я не уследил за вашим любимцем.

– Вставай Пха Нам! Не глупи! Ты не виноват. Если Суджай прыгнул в воду, значит, была причина.

Он договаривал уже из коридора, переходя с шага на бег. Если тигр что-нибудь натворит, власти Венеции его не пощадят. Суджай никогда так не поступал.

Рам выбежал на крыльцо и оглянулся по сторонам. Вода не подступала к стенам его дворца, поэтому до канала надо было дойти. Он быстро шагнул к берегу, насвистывая знакомую Суджаю мелодию, а Пха Нам, задыхаясь, бежал сзади.

Рам уже начал всерьез волноваться, когда неожиданно увидел тигра на самом берегу. Облегчение накрыло теплой волной, пока принц не понял, что животное не откликалось на его зов. Суджай склонил голову и обнюхивал какие-то тряпки у самой воды.

Рам остановился и снова позвал своего питомца. И не поверил своим глазам, когда тигр к нему не пошел. Не обратил на зов никакого внимания. И все так же стоял на месте, возвышаясь над грудой тряпок. Он даже не посмотрел на него.

Принц медленно двинулся вперед.

– Суджай! – позвал он, приближаясь к тигру. И похолодел, когда, наконец, рассмотрел, над чем возвышается его питомец. Вернее, над кем. Это было человеческое тело. Грязные тряпки когда-то были платьем, и в этом не было сомнений. Фигурка, лежащая у ног тигра, была совсем миниатюрной, волосы были длинными, а руки были настолько тонкими и изящными, что заподозрить в ней мальчика было просто невозможно. Даже издали. Принц с трудом сглотнул. – Пха Нам! Похоже, он загрыз человека!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.